

1. Уведомляем вас, братия, о благодати Божией, данной церквам Македонским, 2. ибо они среди великого испытания скорбями преизобилуют радостью; и глубокая нищета их преизбыточествует в богатстве их радушия. 3. Ибо они доброхотны по силам и сверх сил – я свидетель: 4. они весьма убедительно просили нас принять дар и участие их в служении святым; 5. и не только то, чего мы надеялись, но они отдали самих себя, во-первых, Господу, потом и нам по воле Божией; 6. поэтому мы просили Тита, чтобы он, как начал, так и окончил у вас и это доброе дело. 7. А как вы изобилуете во всем: верою и словом, и познанием, и всяким усердием, и любовью вашею к нам, – так изобилуйте и сею добродетелью.

(1. Уведомляю вас, братия, о благодати Божией, данной церквам Македонским, 2. ибо среди великого испытания скорбью восторжествовала их радость; и глубокая нищета их преизбыточествует в богатстве их простоты. 3. Ибо они доброхотны по силам и сверх сил – я свидетель: 4. с большими уверениями прося нас, чтобы мы приняли дар и участие служения для святых; 5. и не только то, чего мы надеялись, но они отдали самих себя, во-первых, Господу, потом и нам по воле Божией; 6. дабы мы ободрили Тита, чтобы он, как начал, так и окончил ради вас также и эту благодать. 7. А как вы изобилуете во всем: верою и словом, и познанием, и всяким усердием, и любовью вашею к нам, – сделайте так, чтобы изобиливали и сею благодетельностью.)

Если бы суровость предыдущего послания оскорбила коринфян, это было бы препятствием для утверждения авторитета Павла. Посему до сих пор он старался с ними примириться. Теперь же, устранив всякий повод для оскорбления и восстановив благоволение к своему служению, он расхваливает перед ними иерусалимских братьев, дабы коринфяне помогли им в нужде. Попытайся Павел сделать это в начале, он не возымел бы успеха. Посему он благоразумно отложил это дело, доколе надлежащим образом их не подготовил. Итак, в этой и следующей главе он лишь ободряет коринфян быть твердыми и усердными в сборе пожертвований, пересылаемых в Иерусалим для облегчения нужды братьев. Ведь их стеснял великий голод, так что без помощи других церквей они едва могли выжить. Заботу сию апостолы поручили Павлу, и он обещал заняться этим делом. В предыдущем послании, как мы видели, он уже отчасти проявлял сию заботу, теперь же снова настойчиво ее демонстрирует.

1) *Уведомляем вас.* Павел хвалит македонян, но лишь с той целью, чтобы их пример вдохновил коринфян. Хотя прямо об этом и не говорит. Ведь не македоняне нуждались в похвале, а коринфяне – в стимуле. И чтобы больше вдохновить коринфян к ревности, готовность македонян помочь братьям Павел приписывает божественной благодати. Все признают, что помощь нуждающимся – добродетель достойная похвалы, однако не считают это прибылью или благословением Божиим. Скорее думают, что даваемое от себя пропадает навечно. Павел же свидетельствует: благодати Божией угодна наша помощь братьям. И ее надо желать, как особого необычного блага. Впрочем, Павел упоминает о двойной данной македонянам благодати. Первая в том, что они спокойно и радостно переносили скорби; вторая же в том, что и от своей скудости, и от своего богатства они кое-что всегда уделяли братьям. Павел заслуженно утверждает: и то, и другое – дело Господне. Ведь те, кого не поддерживает Дух Божий – автор всякого утешения, – сразу же ослабевают. И отчаяние глубоко укоренено в нас, удерживая от всяких проявлений любви, доколе Дух не устранил ее Своей благодатью.

2) *Среди великого испытания.* То есть, испытываясь супротивными обстоятельствами, они не перестали радоваться в Господе. Больше того, это чувство было настолько глубоким, что поглотило их скорбь. Македоняне должны были почувствовать облегчение от тягот, чтобы щедро помочь братьям. Ведь иначе они были бы стеснены в своих действиях. Радостью апостол называет здесь духовное утешение, которым верующие поддерживают себя во время скорбей. Ведь и нечестивые развлекают себя пустыми утешениями. Они или избегают мыслей о беде, или отвлекаются на абстрактные рассуждения, или же полностью покоряются скорби, соглашаясь на собственную погибель. Верные же черпают повод для радости в самих скорбях. Подобно тому, как сказано в Рим.8.

И глубокая нищета. Метафора, заимствованная от пустых сосудов. Павел как бы говорит: македоняне опустошены настолько, что дошли почти до самого дна. Но в подобных тяготах они, по его словам, изобилуют простотой и на самом деле – богаты. Не только в отношении прокормления самих себя, но и в отношении помощи другим. Вот причина, почему всегда, даже в самой крайне бедности, мы должны быть щедрыми. И если чего нам недостает, должны восполнять это простотою. Простота противопоставлена здесь озлобленности. Как сказано и в Рим.12:8, где Павел требует ее от дяконов. Все это делает нас более настойчивыми, когда мы слишком много думаем о предстоящих опасностях, когда сверх меры осторожны, когда долго взвешиваем, что нам выпадет в жизни, или какой потерпим ущерб, лишившись того или иного. Полагающийся же на благословение Господне избавляет душу от этих силков и освобождает руки для благотворения. Доказательство идет от меньшего к большему. Македонянам их бедность, и даже нищета, не помешала благотворить братьям. Какое же извинение у коринфян, если они, будучи богаче и состоятельнее, воздержатся от помощи?

3) *По силам и сверх сил.* Говоря о добровольности македонян, Павел имел в виду их склонность к помощи. Так что увещание оказалось излишним. Великое дело – действовать изо всех сил. Но делать сверх своих сил – редкая и чудесная добродетель. Апостол говорит по человеческому обыкновению. Ибо правило, предписанное Соломоном (Прит.5:15), прежде всего относится к благотворительности. Давать пить из наших источников и отводить наши реки, чтобы они текли к ближним. Македоняне же, забыв о себе и пренебрегая собою, свое усердие направили на заботу о других. Так что, те, кто бедствовал сам, сверх сил проявляли готовность помочь другим от своей скудости.

4) *Они весьма убедительно.* Апостол еще больше усиливает готовность македонян. Ибо они не только не ждали увещания, но и сами обращались к тем, кто должен был их увещать. Своим усердием они предвзяли действия всех прочих. Здесь снова повторяется сравнение большего с меньшим: если македоняне, без всяких просьб, добровольно спешат на помощь, то сколь стыдно медлить коринфянам, особенно когда их просят открыто? Если македоняне явили всем правильный путь, сколь стыдно коринфянам, по крайней мере, не подражать их примеру? Почему, не довольствуясь обычной просьбой, они заставляют себя умолять? Ведь ясно, что их просят не формально, а вполне серьезно.

Дар и участие. Слово «благодать» апостол помещает для похвалы благотворительности. Хотя его можно объяснить и иначе. Мне же более простым кажется следующий смысл: как Отец небесный даром подает нам все, так и мы должны благотворить, подражая Его незаслуженной нами благодати. Или же, подавая что-то из нашего достатка, мы только проявляем бережливость к Его благодати. Участие в служении значит помощь македонянам в их благородном деле. Они подавали из своего, дабы послужить святым, а Павла просили со-брать сие подаение.

5) *И не только.* Апостол надеялся на умеренную помощь, которую должен оказывать каждый христианин. Но македоняне превзошли его ожидания. Ведь они предоставили не только свое имущество, но были готовы отдать самих себя. Они отдали себя, – говорит Павел, – сначала Богу, а затем и нам. Но можно спросить: какая разница между предаванием себя Богу и предаванием себя Павлу? Обычно, когда Бог заповедует или повелевает через кого-либо, к Нему, как во власти приказывать, так и в обязанности слушаться, присоединяют служителя. Угодно Святому Духу и нам, – говорят апостолы (Деян.15:28). Хотя они – лишь орудия, возвещающие открытое и заповеданное Духом. И еще (Исх.14:31): поверил народ Господу и Моисею, рабу Его. Но Моисей не имел что-либо отдельно от Бога. И именно это означает следующая фраза «по воле Божией». Ибо, будучи послушны Богу, предавшему их в управление Своему служителю, они исходили из того, что Павел говорит словно из уст Божиих.

6) *Мы просили Тита.* Еще более действенное увещание: коринфяне слышат, что их зовут по имени, призывая исполнить свой долг. И Тит, желая, чтобы коринфяне также участвовали в благотворительности, не вызывал этим зависти македонян. Кроме того, апостол оправдывает Тита, дабы коринфяне не подумали, что он – чрезмерно настойчив, словно отчаялся в их доброй воле. Ведь он действовал по просьбе, и больше от имени македонян, чем от своего собственного.

7) *А как вы.* Павел уже проявил большую осторожность, избегая оскорбить коринфян. Он проявил ее, сказав: Тит беспокоил их не по собственному желанию, а по поручению македонян. Теперь же Павел идет дальше, говоря, что не только этого ожидала от коринфян посланная македонянами делегация. Он расхваливает добродетели коринфян, как бы говоря: вы должны не только соединиться с просящими вас македонянами, но и выделяться в этом деле, как выделяетесь и в остальном. Слово апостол отличает здесь от *веры*, поскольку кто-то может иметь выдающуюся веру, но, тем не менее, плохо знать Слово Господне. Знание я понимаю как опытность и благоразумие. Любовь к себе апостол упоминает для того, чтобы воодушевить коринфян к своей собственной личности. Между тем, он использует для общей пользы братьев ту любовь, которую продолжал к ним испытывать. Таким образом, апостол умерен во всем, дабы, увещевая, не показаться обвиняющим коринфян.

8. *Говорю это не в виде повеления, но усердием других испытываю искренность и вашей любви.* 9. *Ибо вы знаете благодать Господа нашего Иисуса Христа, что Он, будучи богат, обнищал ради вас, дабы вы обогатились Его нищетой.* 10. *Я даю на это совет: ибо это полезно вам, которые не только начали делать сие, но и желали того еще с прошедшего года.* 11. *Совершите же теперь самое дело, дабы, чего усердно желали, то и исполнено было по достатку.* 12. *Ибо если есть усердие, то оно принимается смотря по тому, кто что имеет, а не по тому, чего не имеет.*

(8. *Говорю это не в виде повеления, но усердием других испытываю искренность и вашей любви.* 9. *Ибо вы знаете благодать Господа нашего Иисуса Христа, что Он, будучи богат, обнищал ради вас, дабы вы обогатились Его нищетой.* 10. *Я даю на это совет: ибо это полезно вам, которые начали не только делать сие, но и желать еще с прошедшего года.* 11. *Совершите же теперь дело, которое начали, дабы, как желала ваша воля, то и исполнили из достатка.* 12. *Ибо если есть готовность души, то она принимается смотря по тому, кто что имеет, а не по тому, чего не имеет.*)

8) *Не в виде повеления.* Апостол снова смягчает свое увещание и свидетельствует, что никак не хочет принуждать их, словно к чему-то обязывая. Это и означает говорить в виде повеления – когда мы к чему-то обя-

зывает или требуем исполнения чего-то определенного. Если же кто-то просит, разве ему не позволено также и приказывать, исходя из заповеди Господней? Ответ весьма прост: Бог везде повелевает помогать братьям в их нужде, но нигде не называет конкретной суммы, которую нужно уделить нищим. Он нигде не привязывает нас к обстоятельствам места, времени или конкретным лицам, но все время отсылает к правилу любви. Хотя Павел не имеет в виду то, что ему позволено или не позволено делать. Он отрицает, что приказывает коринфянам, потому что не считает, будто им необходимо принуждение. Словно они будут исполнять свой долг только под воздействием силы. Апостол указывает две причины, почему все же призывает коринфян к исполнению обязанностей. Во-первых, его толкает к этому забота о святых. Кроме того, он хочет, чтобы любовь коринфян стала очевидной для всех. Я не думаю, что Павел сам хотел удостовериться в их любви (в которой, по его словам, полностью был уверен). Скорее он хотел, что в ней удостоверились все прочие. Хотя первая часть, касательно заботы о других, допускает двойное толкование: либо Павел проявлял о людях заботу, не позволявшую ему оставаться в стороне; либо, повинувшись просьбам тех, кто был этим обеспокоен, он говорит не столько от себя, сколько от их лица.

9) *Вы знаете благодать.* Упомянув о любви, Павел приводит в пример Христа, пример – абсолютнейший и совершенно особый. Будучи богатым, – говорит Павел, – Христос отрекся от обладания всем, дабы обогатить нас Своей нищетою. Он не объясняет, зачем упоминает об этом, и хочет, чтобы мы сами это поняли. Каждому ясно, что этим примером Павел призывает нас к благотворительности, дабы мы не щадили себя, когда нужно помогать братьям. Христос был богат, будучи Богом, во власти и руке Которого находится все. Кроме того, по свидетельству апостола (Евр.1:2:13), в нашей человеческой природе, в которую облекся, Христос был также наследником всего сущего. Отец поставил Его выше всякого творения и все покорил под ноги Его. Нищим же Он стал, когда воздержался от обладания всем этим и на время отказался от Своего права. Мы видим, как сразу же от утробы матери его приняла в объятия нищета и полная бедность. Мы слышим, как Сам Он говорит (Лк.9:58): лисицы имеют норы, а птицы – гнезда, Сын же Человеческий не имеет, где преклонить главы. Итак, Христос освятит в Своем лице нищету, дабы верные более не ужасались своей бедностью.¹ Он для того обогатил всех нас, чтобы нам не было тягостно подавать от нашего избытка на нужды братьев.

10) *Я даю на это совет.* Совет апостол противопоставляет приказу, о котором недавно шла речь. Он как бы говорит: я показываю вам вашу пользу лишь ради совета и увещевания. Кроме того, эта польза не постигается плотским чувством. Кто согласится, что ему полезнее ограбить себя, дабы помочь другим? Язычник говорит: сколько дашь, столько же всегда будешь иметь. Но причина в том, что дарованное друзьям изъято от опасности возможного разорения. Но Господь хочет побудить нас не надеждой на награду и не ответным воздаянием. Даже если люди неблагодарны, и дарованное нами кажется потерянном, Бог все равно хочет, чтобы мы усердствовали в благотворительности. Польза же происходит от того, что, сколько кто тратит на бедного, столько же дает взаймы Богу, как говорит об этом Соломон (Прит.19:17). А благословение Его в сто раз ценнее, чем все сокровища мира. Хотя польза может здесь означать и честь. Или же полезное Павел меряет посредством чести. Ведь стыдно было бы коринфянам отступать и падать в середине пути, прежде чем чего-либо достигнуть. Это было бы и бесполезным, ибо все их начинания лишились бы божественного благоволения.

Не только начали делать. Поскольку делать – это больше, чем желать, высказывание кажется косвенным. Однако «желать» понимается здесь не в том смысле, какой мы обычно имеем в виду, а подразумевает готовность, не ждущую просьб и призывов. Ибо есть три способа что-то сделать. Иногда мы действуем вынужденно, из-за стыда или страха. Иногда – добровольно, но под влиянием толчка извне. А иногда – по собственному стремлению, когда добровольно занимаемся тем, чем подобает. И такая окрыленность сама по себе выше всего.

11) *Совершите же.* Похоже, что в коринфянах скоро угас пыл. Иначе они без промедления исполнили бы свое намерение. Но апостол, словно они ни в чем не согрешили, дружески увещевает их завершить начатое дело. Добавляя же «из недостатка», Павел как бы упреждает слушателей. Ведь плоть всегда изобретательна на всякие отговорки. Одни говорят, что содержат семьи, и было бы бесчеловечно ими пренебрегать. Другие, не имея возможности дать много, извиняют себя этим, одновременно спрашивая: разве мне прилично давать столь мало? Так что Павел устраняет все эти оправдания, приказывая каждому вносить по мере своего недостатка. Он указывает и на причину этого: Бог смотрит на душу, а не на то, что дается. Ведь, говоря, что готовность души по мере ее возможностей угодна Богу, Павел имеет в виду следующее: если ты принесешь что-то малое из твоего небольшого недостатка, Бог не будет ценить твое чувство ниже, чем чувство богача, потратившего большую сумму от своего изобилия. Ведь желание жертвовать не обесценивается от твоего недостатка. Иными словами, Бог не требует от тебя приносить больше, чем это в твоих силах. Таким образом, никто не может себя оправдывать. Богатые обязаны давать Богу много, а бедные не должны стыдиться того, что их даяния весьма скромны.

---

¹ Верные. Своей бедностью нас.

13. Не требуется, чтобы другим было облегчение, а вам тяжесть, но чтобы была равномерность. 14. Ныне ваш избыток в восполнение их недостатка; а после их избыток в восполнение вашего недостатка, чтобы была равномерность, 15. как написано: кто собрал много, не имел лишнего; и кто мало, не имел недостатка. 16. Благодарение Богу, вложившему в сердце Титово такое усердие к вам. 17. Ибо, хотя и я просил его, впрочем он, будучи очень усерден, пошел к вам добровольно.

(13. Не требуется, чтобы другим было облегчение, а вам тяжесть, но чтобы была равномерность. 14. В настоящее время ваш избыток в восполнение их недостатка; и их избыток в восполнение вашего недостатка, чтобы была равномерность, 15. как написано: кто имел много, тому ничего лишнего; и кто имел мало, все равно имел. 16. Благодарение Богу, вложившему в сердце Титово такую заботу о вас. 17. Который принял увещевание, но, будучи усерднее, скорее пошел к вам добровольно.)

13) Не требуется. Подтверждение предыдущего предложения: Богу нравится щедрая воля и в избытке, и в недостатке. Поскольку Бог не хочет, чтобы мы были стеснены, а другие шиковали от нашей щедрости. Действительно, не только часть, но и все, что мы есть и что имеем, принадлежит Богу. Но Он щадит нас по Своему милосердию и довольствуется тем общением в благах, о котором упоминает здесь апостол. То, чему здесь учит Павел, разумей как снисхождение и послабление обязанностей. Между тем, от нас требуется время от времени побуждаться к делам благотворительности. Ведь не стоит бояться, что мы переусердствуем в этом деле, скорее опасность состоит в нашей скупости. Но учение сие необходимо против фанатиков, которые думают, что ты не дал милостыни, покуда полностью не отказался от имущества и не отдал его в общее владение. В своем безумстве они до того дошли, что никто уже не может со спокойной совестью давать милостыню. Итак, следует тщательно придерживаться Павловых ἐπιείκεια и умеренности, угождать Богу нашей милостыней, и от своего изобилия помогать братьям. Не так, чтобы они богатели, а мы нищенствовали, но так, чтобы мы уделяли из своего, насколько позволяет наш достаток, и делали это с готовностью и рвением.

Чтобы была равномерность. Равномерность можно понимать двояким образом: или как взаимное возмещение, когда равное дается за равное, или как справедливое ограничение. Я ἰσότητα понимаю просто, как то равенство, которое Аристотель зовет аналогичным правом. В этом смысле слово «равномерность» употребляется и в Кол.4:1, где апостол увещевает господ проявлять ее по отношению к слугам. Он, конечно же, не хочет, чтобы они были равны по своему положению и уровню, но понимает под этим словом человечность, милосердие и доброе обращение, которые господа обязаны проявлять к слугам. Таким образом, Господь рекомендует нам эту аналогию, дабы каждый из нас, обладающий достатком, помогал страждущим. И одни не шиковали, когда голодают другие. Посему апостол добавляет «в настоящее время». Ведь именно тогда возникла острая необходимость в подавании. Отсюда мы узнаем, что, если хотим соблюсти истинную равномерность, в своей благотворительности должны соотноситься с текущим положением дел.

14) Их избыток. Непонятно, какой род избытка имеет в виду апостол. Некоторые толкуют так: Евангелие пришло к коринфянам от Иерусалимской Церкви, посему духовное богатство последней восполнило духовную нищету первых. Думаю, что мысль Павла была другой. Скорее (по моему мнению) его слова следует относить к общению святых, из-за которого долг, исполняемый в отношении одного, считается исполненным в отношении всех. Павел как бы говорит: если вас смущает, что братья не могут вам помочь своим достатком, подумайте о том, скольких благ лишены вы сами, причем более значимых, коими вас могут одарить те, кто находится в нужде телесной. Подобное общение в благах, установленное Христом между членами Его тела, должно вдохновить вас и сделать более ревностными к делам благотворительности. Смысл может быть и таким: сейчас вы в силу временной необходимости помогаете им, а в другое время им будет дана возможность отблагодарить вас. Мне больше нравится именно такое общее толкование, в пользу которого свидетельствует то, что слово «равномерность» повторяется дважды. Ибо в Церкви также имеется аналогичное право, когда все сообщаются между собой по мере даров и необходимости, и из взаимного общения создается надлежащая соразмерность. Хотя одни владеют большим, другие меньшим, и дары распределяются не вполне равномерно.

15) Как написано. Свидетельство, которое цитирует Павел, повествует о небесной манне. Но послушаем, что говорит Господь через Моисея. Он хочет, чтобы это было вечным свидетельством следующего положения: люди живут не одним лишь хлебом, но окормляются Богом, тайной силой и соизволением Того, Кто следит за всем созданным и его сохраняет. И в другом месте (Втор.8:3) Моисей снова учит: евреи окормлялись этой пищей временно, дабы научиться тому, что люди кормятся не своим трудом и усердием, а благословением Божиим. Отсюда явствует: в манне словно в зеркале нам явлен образ обычной повседневной окормляющей нас пищи. Теперь перейдем к месту, процитированному Павлом. Когда манна падала с небес, каждому приказывали собрать столько, сколько он мог. И, поскольку одни проворнее других, одни собирали больше необходимого для ежедневного употребления, а другие – меньше. Но никто не присваивал в личную собственность больше одного хомера манны. Ибо это было заповедано Господом. Поскольку же все обстояло таким образом, у всех был достаток, и никто не страдал от голода. Об этом сказано в Исх.16:18. А теперь приспособим эту историю к намерению Павла. Господь не установил для нас ни хомера, ни другой меры ежедневного пропитания, но рекомендует нам щедрость и умеренность, запрещая кому-либо распутствовать от оби-

лия достатка. Итак, имеющие богатство, доставшееся либо по наследству, либо в силу старания и труда, пусть думают, что их избыток предназначен не для распутства, а для восполнения нужд братьев. Ведь манна есть все, что мы имеем, приобретенное каким-либо способом, лишь бы оно воистину было нашим. Богатства же, обретенные с помощью обмана и незаконных приемов, не достойны называться манной. Скорее их следует назвать перепелами, посланными гневом Божиим. Если же кто от жадности или от неверия, прятал свою манну, этот остаток сразу же сгнивал. Так и мы не должны сомневаться, что проклято и скоро погибнет богатство, обираемое с ущербом для братьев. Причем погибнет и сам хозяин богатств. Мы не должны думать, будто будем богатеть, если, помогая лишь себе, лишаем братьев должного подаяния. Признаю: нам не заповедана такая равномерность, что богатым не позволено питаться роскошнее, чем нищим. Равномерность наша состоит в том, чтобы никто не голодал и никто не прятал свой излишек, отказывая в подаянии другим. Для нищего хомером будет более скромное пропитание, для богатого – более обильное, насколько позволяет достаток. Но так, что последние должны жить умеренно и не отказывать в помощи прочим.

16) *Благодарение Богу.* Дабы не оставить коринфянам повода для оправданий, апостол переходит теперь к тем пламенным проповедникам, коим было поручено попечение о бедных. И первым он упоминает Тита, которого называет вдохновенным от Бога. Это обстоятельство весьма важно. Ведь его посольство будет тем действеннее, чем коринфяне лучше поймут, что он пришел к ним по божественному вдохновению. Из этого места, как и из многих других, мы выводим: благочестивые устремления происходят только от Духа Божия. Кроме того, когда Дух побуждает служителей помогать нам в нужде – это есть свидетельство божественного о нас попечения. Если же провидение Божие так проявляет себя в попечении о телах, то сколь больше оно заботится о духовном окормлении, дабы последнее никогда не оскудевало! Посему особое, присущее Ему дело, состоит в том, чтобы постегивать пастырей. «Получить увещание» означает по увещанию Павла взвалить дело на себя. Далее Павел поправляется, сказав, что Тит не столько слушался внешних советов, сколько добровольно воодушевлялся собственной любовью.

18. С ним послали мы также брата, во всех церквах похваляемого за благовествование, 19. и притом избранного от церквей сопутствовать нам для сего благотворения, которому мы служим во славу Самого Господа и в соответствии вашему усердию, 20. остерегаясь, чтобы нам не подвернуться от кого нареканию при таком обилии приношений, вверяемых нашему служению; 21. ибо мы стараемся о добром не только пред Господом, но и пред людьми. 22. Мы послали с ними и брата нашего, которого усердие много раз испытали во многом и который ныне еще усерднее по великой уверенности в вас. 23. Что касается до Тита, это – мой товарищ и сотрудник у вас; а что до братьев наших, это – посланники церквей, слава Христова. 24. Итак перед лицом церквей дайте им доказательство любви вашей и того, что мы справедливо хвалимся вами.

(18. С ним послали мы также брата, во всех церквах похваляемого за благовествование, 19. и не только это, но и избранного от церквей спутником в странствии нашем для сего благотворения, которому мы служим во славу Самого Господа и для усердия вашего духа, 20. остерегаясь, чтобы кто не попрекнул нас при таком обилии приношений, вверяемых нашему служению; 21. стараясь о добром не только пред Господом, но и пред людьми. 22. Мы послали с ними и брата нашего, которого усердие много раз испытали во многом и который ныне еще усерднее по великой уверенности, которую имею в отношении вас. 23. Касательно Тита, это – мой товарищ и сотрудник у вас; а другие, это – братья наши, апостолы церквей, слава Христова. 24. Итак перед лицом церквей дайте им доказательство любви вашей и нашей о вас похвалы.)

18) *С ним послали.* То, что были посланы трое, доказывает великую надежду в отношении коринфян. Тем более им надлежало быть усердными в исполнении долга и не обманывать надежду церквей. Кто был вторым посланным – неизвестно. Златоуст думает, что это Варнава. Я согласен с ним, ибо несомненно, что он был спутником Павла по общему церковному решению. Поскольку же по мнению почти всех толкователей одним из передавших это послание был Лука, вполне допустимо сделать его третьим. Кроме того, второй брат, кем бы он ни был, выделялся весомым свидетельством того, что похвально трудился на евангельском поприще. То есть, проповедуя Евангелие, заслужил особую славу. Хотя право проповедовать Варнава обычно оставял за Павлом, оба они совершали одно и то же дело. Апостол добавляет: не от одного человека, не от одной только церкви он имел похвалу, но от всех церквей. К этому общему свидетельству он присоединяет и особое, подходящее настоящему случаю: данный брат был избран на это дело по согласию всех церквей. Вероятно, такую честь он возымел именно потому, что еще ранее был признан пригодным. Также следует отметить способ избрания: *χεροτομία*, часто употреблявшуюся у греков, когда начальники главенствовали в отношении власти и совета, руководя всей процедурой, а народ выражал свое одобрение.

19) *Которому мы служим.* Прославляя свое служение, Павел еще больше воодушевляет коринфян. Он говорит, что служит славе Божией и их собственной пользе. Отсюда следует: слава Божия и их благотворительность – две взаимосвязанные вещи. Если ослабляется одна, то уменьшается и другая. К этому присовокуплено усердие великих мужей, отвергать которое было бы безумием.

20) *Остерегаясь, чтобы нам.* Дабы кто не счел, что церкви думают о Павле непочтительно, и он словно подбирает свидетелей своей испытанности, как обычно придают сторожей подозрительным лицам, Павел говорит, что сам подал такой совет, чтобы упредить возможную клевету. Здесь можно спросить: кто же

столь бесстыден, что посмел хоть немного подозревать мужа, верность которого во всем и везде совершенно бесспорна? Отвечаю: неужели кто-то избавлен от нападков сатаны, если им подвергался даже Христос? Христос испытывал поношения нечестивых, а Его слуги будут от них избавлены? Больше того, чем более кто-то целомудрен, тем больше козней строит против него сатана, пытаясь поколебать доверие к сему человеку. Ведь от этого возникло бы великое преткновение. Поэтому, чем выше мы поставлены, тем тщательнее нам следует подражать осмотрительности и скромности Павла. Он не превознесся настолько, чтобы быть свободным от порядка, коему подчиняется всякий член Христова стада. Он не настолько потворствует себе, чтобы считать недостойным упреждать клевету. Посему Павел разумно остерегался опасностей и являл большую предусмотрительность, дабы не дать какому-либо нечестивцу повода для злословий. Действительно, сплетни больше всего связаны с попечением об общественных деньгах.

21) *Стараемся о добром.* Думаю: среди коринфян были и такие, кто сразу же стал бы злословить, как только бы представилась такая возможность. Посему Павел хочет всех известить об этом деле, дабы всем заградить уста для клеветы. Он свидетельствует, что не только заботится о доброй совести перед Богом, но и старается заслужить похвалу людей. Не подлежит сомнению: своим примером Павел хотел научить и коринфян и всех прочих, что даже в правых поступках не следует небрежностью мнением людей. Прежде всего, надо стараться самому быть добрым, а это дается не внешними делами, а правой совестью. Затем надо стараться, чтобы таковым тебя признали люди, с которыми ты живешь. Но при этом надо иметь в виду цель. Нет ничего худшего, чем самомнение, портящее лучшее, искажающее честнейшее, и превращающее в зловоние перед Богом самые благоуханные жертвы. Посему здесь можно поскользнуться. И кто-то, притворяясь, что заботится о доброй славе вместе с Павлом, может отойти от духа апостола. Павел заботился о людской похвале, дабы не оскорбить кого своим примером, но всем дать назидание. Посему, если мы хотим ему уподобиться, следует избегать стремления к славе ради нее самой. Тот, кто небрежит похвалой, – говорит Августин, – жесток к людям. Ведь нам так же нужна добрая молва среди людей, как и добрая совесть перед Богом. Это так, если хочешь способствовать спасению братьев во славу Божию. Ты будешь готов принять как похвалу даже поношения и бесславие, если то будет угодным Богу. Христианину всегда следует стараться делать свою жизнь назиданием для прочих и тщательно остерегаться не давать повода для злословий служителям дьявола. Не давать им поносить Бога и обижать добрых людей.

22) *По великой уверенности в вас.* Смысл следующий: я не боюсь, что приход этих людей к вам окажется бесплодным. Я твердо уповаю на успешность их посланничества, ибо мне очевидна их верность и их усердие. Брата, имя которого опускает, Павел зовет более ревностным. Зовет потому, что тот хорошо думал о коринфянах, потому что был воодушевлен Титом, а также потому, что видел: многие выдающиеся мужи, объединив усилия, трудятся для того же самого дела. Оставалось лишь одно: чтобы не подвели сами коринфяне. Что же касается апостолов церквей, то о них можно думать двояко. Или они были назначенными Богом апостолами для церквей, или же поставленными церквями исполнителями сего служения. Второй смысл подходит больше. Они зовутся и «славой Христовой», поскольку Христос, будучи единственной славой верных, должен в свою очередь ими прославляться. Итак, всякий выделяющийся благочестием и святостью – слава Христова. Ведь все, что он имеет, происходит от духа Христа. В заключение Павел отмечает два момента: постарайтесь, чтобы наши братья увидели вашу любовь; и, во-вторых, остерегайтесь, как бы моя похвала о вас не оказалась тщетной. Ведь *εἰς αὐτοὺς* означает то же, что и «перед ними». Это слово относится не к нищим, а к посланникам, о которых упоминается ранее. Сразу же затем апостол добавляет: не они одни будут свидетелями, но по их сообщению молва дойдет до самых дальних церквей.

Глава 9

1. Для меня впрочем излишне писать вам о вспоможении святым, 2. ибо я знаю усердие ваше и хвалюсь вами перед Македонянами, что Ахаия приготовлена еще с прошедшего года; и ревность ваша поощрила многих. 3. Братьев же послал я для того, чтобы похвала моя о вас не оказалась тщетною в сем случае, но чтобы вы, как я говорил, были приготовлены, 4. и чтобы, когда придут со мною Македоняне и найдут вас неготовыми, не остались в стыде мы, – не говорю «вы», – похвалившись с такою уверенностью. 5. Посему я почел за нужное упросить братьев, чтобы они наперед пошли к вам и предварительно озаботились, дабы возвещенное уже благословение ваше было готово, как благословение, а не как побор.

(1. Ибо о вспоможении святым для меня писать вам излишне, 2. ибо я знаю усердие духа вашего, о котором хвалюсь вами перед Македонянами, что Ахаия приготовлена еще с прошедшего года; и ревность ваша поощрила многих. 3. Братьев же послал я для того, чтобы похвала моя о вас не оказалась тщетною в сем случае, чтобы вы, как я говорил, были приготовлены. 4. Дабы, когда придут со мною Македоняне и найдут вас неготовыми, не остались в стыде мы, – не говорю «вы», – в уповании подобной похвалы. 5. Посему я почел за нужное упросить братьев наперед пойти к вам, дабы постараться, чтобы возвещенное уже благословение ваше было готово, причем, как благословение, а не как цепкость.)

На первый взгляд это предложение недостаточно согласуется с предыдущими. Ведь апостол, кажется, развивая свой довод, говорит о новом вопросе, который раньше не затрагивал. Но пусть читатели обратят внимание: Павел говорит здесь то же самое, что говорил и прежде. Не от недоверия увещевает он коринфян, его увещевание не связано с какими-либо прошлыми упреками. Но все же у апостола есть для него надлежащие

основания. Сказанное им теперь имеет следующий смысл: я не учу вас помогать святым. Зачем это нужно, если вы и так хорошо все знаете и самим делом показали, что хотите в этом участвовать? Но поступаю я так потому, что, прославив повсюду вашу щедрость, обязал свою и вашу добросовестность. Эта причина и заставляет меня говорить. В ином случае подобное беспокойство могло показаться коринфянам обидным и обременительным. Они могли бы подумать, что их упрекают за лень, или что Павел в чем-то их подозревает. Павел же, найдя подходящее извинение, не только получает право без обиды увещивать коринфян, но даже в чем-то их понуждать. Но кто-то может заподозрить, что Павел говорит одно, а думает другое. Его действия кажутся глупыми: ведь если он считает, что коринфяне готовы к исполнению долга, то зачем увещивает их столь настойчиво? Если же Павел сомневается в их доброй воле, то почему зовет увещивание излишним? Любовь вмещает в себя все: и благу надежду, и беспокойство. Павел никогда не похвалил бы коринфян, если бы не был убежден в правоте своих слов. Он видел их хорошее начало, и ожидал, что таким же будет и продолжение. Но поскольку Павлу было известно человеческое непостоянство, он не мог не бояться, что коринфяне уклонятся от благих намерений.

1) *Вспоможении святым.* Кажется, это не подходит коринфянам, подававшим бедным от своего достатка. Ведь щедрость заслуживает большей похвалы. Но Павел имеет в виду то, чем обязаны верующие по отношению к своим братьям. Ибо члены Христова тела должны взаимно друг другу служить. И когда мы помогаем братьям, то выказываем им лишь должное служение. Пренебрегать же святыми, нуждающимися в нашей помощи, более чем бесчеловечно. Ведь мы отказываем им в их законном праве.

2) *И хвалюсь вами.* Апостол доказывает свое хорошее отношение тем, что, подобно свату, посредничает в возвещении их готовности. Но что если апостол необдуманно выдал желаемое за действительное? Так и кажется на первый взгляд. Он хвалит, что они были готовы еще в прошлом году. А, между тем, только теперь пытается их подготовить. Отвечаю: слова не надо понимать так, словно Павел утверждает, что коринфяне уже собрали и отложили предназначенное для помощи нищим. Он лишь говорит, каким было их намерение, о том, что оно было чистым и серьезным. Об этом обещании коринфян Павел и ведет речь.

3) *Братьев же послал.* Теперь апостол объясняет, почему, зная об их доброй воле, он, тем не менее, их увещивает столь усердно. Я хочу, – говорит Павел, – избежать вашего и моего стыда. Я обещал другим от вашего имени, и позор наш будет общим, если дела не будут соответствовать словам. Итак, вы должны признать обоснованность моего страха.

4) *С такой уверенностью.* Поскольку на греческом стоит слово *ὑπόστασις*, древний переводчик перевел его как «сущность», а Эразм как «доказательство». Но ни то, ни другое здесь не подходит. Будей учит, что некогда это слово означало дерзость и уверенность. Например, Полибий говорит: *οὐχ οὕτω τὴν δύναμιν ὡς τὴν ὑπόστασιν καὶ τόλμαν αὐτοῦ καταπεπληγμένων τῶν ἐναντίων*. Посему *ὑποστατικός* иногда означает «дерзкий» и «самоуверенный». И всякий поймет, сколь подходит такой смысл контексту апостольских слов. Откуда явствует, что остальные переводчики ошиблись из-за невнимательности.

5) *Благословение, а не побор.* Вместо «благословения» другие ставят слово «сбор». Однако я предпочел перевести дословно. Ведь греки используют слово *εὐλογίας*, чтобы предать еврейское *ברכה*. А последнее означает как благословение, то есть – успешное прошение, так и само благодеяние. Причина, думаю, кроется в том, что прежде всего оно применяется к Богу. А мы знаем, что Бог действительно благословляет нас одним Своим изволением. Посему, когда это слово применяется к людям, оно удерживает смысл, но делает его несобственным, поскольку благословение уже не имеет прежней действенности. Однако сам перенос вполне уместен. Благословию Павел противопоставляет *πλεονεξίαν*. Этим словом греки означают как чрезмерную жадность, так и обман и цепкость. Мне, учитывая антитезис, больше понравилось слово «цепкость». Ибо Павел хочет, чтобы коринфяне давали не с раздражением, но радушно, что яснее будет видно из следующих стихов.

6. При сем скажу: кто сеет скупо, тот скупо и пожнет; а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет. 7. Каждый уделай по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением; ибо доброхотно дающего любит Бог. 8. Бог же силен обогатить вас всякою благодатью, чтобы вы, всегда и во всем имея всякое довольство, были богаты на всякое доброе дело, 9. как написано: расточил, раздал нищим; правда его пребывает в век.

(6. Дело же обстоит так: кто сеет скупо, тот скупо и пожнет; а кто сеет в благословении, тот в благословении и пожнет. 7. Каждый – по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением; ибо радостно дающего любит Бог. 8. Бог же силен обогатить вас всякою благодатью, чтобы вы, во всем имея всякое довольство, были богаты на всякое доброе дело, 9. как написано: расточил, раздал нищим; праведность его пребывает в век.)

6) *При сем скажу.* Теперь Павел красивым сравнением расхваливает милостыню, уподобляя ее посеву. Ведь во время посева семя бросается, сеется в землю тут и там, умирает и, в конце концов, истлевает. Кажется, оно окончательно погибло. Так же обстоит и с милостыней. То, что от тебя переходит к другому, представляется ущербом для твоего достояния. Но придет время жатвы, и будет собран плод. Ведь Господь все, что

подается нищим, считает поданным Самому Себе. Поэтому Он воздает за это обильный наградой. Теперь вернемся к сравнению Павла. Тот, кто сеет скупо, возымеет скупой урожай, подобный его посеву. А сеющий щедро, соберет такую же богатую жатву. Пусть учение это твердо укоренится в наших душах. И всякий раз, когда плоть отваживает нас от благотворительности, внушая страх потери, будем всегда говорить ей в ответ: Господь велит нам сеять. Кроме того, жатву надо понимать и как духовную награду вечной жизни, и как земные благословения, коими Бог одаривает благотворящих. Ведь не только на небе, но и в этом мире награждает Бог благотворительность верующих. Итак, Павел как бы говорит: чем больше вы благотворите ближним, тем больше будете ощущать в себе благословение Божие. Он снова противопоставляет благословение скупости, как прежде противопоставил его цепкости. Отсюда явствует: благословение означает здесь щедрую и радужную благотворительность.

7) *Каждый уделяй*. Поскольку апостол заповедал давать щедро, надо было также добавить: Бог оценивает щедрость, смотря не столько на сумму, сколько на душу дающего. Павел усердно призывает помогать братьям, но не хочет требовать что-либо против воли. Итак, он велит людям охотно давать все, что они собираются дать. Даянию от сердца апостол противопоставляет огорчение и принуждение. Ведь, что мы делаем под принуждением, то делаем не по велению сердца, но с печалью. Кроме того, принуждение надо понимать здесь как внешнее, то есть происходящее извне. Ибо Богу мы также повинемся по принуждению, но принуждению душевному. Итак, мы сами добровольно себя принуждаем. И поскольку плоть сопротивляется, мы часто применяем к себе силу, чтобы исполнить положенный нам долг. Однако, если нас принуждают извне, и мы внутренне, по возможности, желали бы ничего не делать, тогда мы действуем без пылкости, без радости, но все совершаем с огорчением и душевной скорбью.

Ибо доброхотно дающего. Павел, как я уже говорил, отсылает нас к Богу. Ведь милостыня – это жертва. Но Богу угодны только добровольные жертвы. И Павел, уча, что радостно дающего Бог любит, утверждает, что, напротив, дающего вынужденно Он отвергает. Ведь Бог не хочет править нами подобно тирану, но, являя Себя Отцом, требует от нас радостного сыновнего послушания.

8) *Бог же силен*. Павел снова упреждает превратную мысль, внушаемую нашим неверием. Разве не надо прежде позаботиться о себе? Разве, после дарения, у тебя не остается меньше прежнего? И Павел для отвержения подобного сомнения вооружает нас обетованием: все, что мы жертвуем, обращается нам во благо. Я сказал уже, что мы по природе более чем скупы, что склонны к отчаянию, толкающему всех цепко держаться за свое имущество. Для исправления сего порока нам и дается это обетование: благотворящие нищим одновременно помогают себе, как бы поливая собственное поле. Милостыней, как по каналу, эти люди проводят к себе благословение Божие, приносящее им богатство. Это и хочет сказать Павел. Благотворительность ни в чем вас не обедняет, Бог сделает так, что вам выпадет еще большее изобилие. Павел говорит о силе Божией. Не так, как поэты, но по обычаю Писания, которое приписывает Ему силу вовсе не праздную, но именно в том самом действии, последствия которого мы в настоящее время ощущаем.

Имея всякое довольство. Апостол представляет двойной плод обещанной коринфянам благодати. Они будут иметь достаточно и для себя, для подаяния другим. Под довольством он имеет в виду ту меру, которую Господь считает для нас полезной. Ведь не всегда нам полезно насыщаться до предела. Итак, Господь дает нам в зависимости от нашей пользы, иногда больше – иногда меньше. Но так, чтобы было достаточно. А это много больше, чем если бы кто-то приобрел весь мир. В этом довольстве нам подобает богатеть для помощи другим. Ведь Бог благотворит нам не для того, чтобы каждый имел для себя, но чтобы между нами по мере необходимости существовало общение в благах.

9) *Как написано*. Павел приводит свидетельство из Пс.112:9, где среди прочих добродетелей пророк хвалит и благотворительность. Благотворящий не оскудеет в подаянии, но, как из источника всегда истекает вода, так и поток его щедрости никогда не иссякнет. Павел хочет, чтобы мы не ослабели в подаянии, и такая же цель увещеваний пророка.

10. Дающий же семя сеющему и хлеб в пищу подаст обилие посеянному вами и умножит плоды правды вашей, 11. так чтобы вы всем богаты были на всякую щедрость, которая через нас производит благодарение Богу. 12. Ибо дело служения сего не только восполняет скудость святых, но и производит во многих обильные благодарения Богу; 13. ибо, видя опыт сего служения, они прославляют Бога за покорность исповедованному вами Евангелию Христову и за искреннее общение с ними и со всеми, 14. молясь за вас, по расположению к вам, за преизбыточествующую в вас благодать Божию. 15. Благодарение Богу за неизреченный дар Его!

(10. Дающий же семя сеющему, пусть же подаст и хлеб в пищу, и умножит посеянное вами и взрастит плоды правды вашей, 11. так чтобы вы всем богаты были во всякой простоте, которая через нас производит благодарение Богу. 12. Ибо дело служения сего не только восполняет скудость святых, но изобилует и в том, что многие благодарят Бога; 13. ибо, видя опыт сего служения, они прославляют Бога за покорность согласия вашего с Евангелием Христовым и за искреннее общение с ними и со всеми, 14. в молитве своей за вас, они желают вас ради преизбыточествующей в вас благодати Божией. 15. Благодарение Богу за неизреченный дар Его!)

10) *Дающий*. Красивый парафраз, полный великого утешения. Ведь кажется, что сеющий в какое-то время, пожиная урожай, собирает плод своего труда и усердия. И сеяние представляется источником, из которого для нас проистекает всякий жизненный достаток. Павел отвергает такое умствование, утверждая, что и семя сеется, и достаток подается по божественной благодати. Причем даже сеющим земледельцам, которых считают кормящими себя и других собственным трудом. Подобная мысль высказывается и во Втор.8:16: Бог питал тебя манной, пищей неизвестной отцам твоим. Когда придешь ты в землю, которую Он собирался дать тебе, то скажешь: рука моя и сила моя дала мне такое богатство. Но Господь есть Тот, Кто дает силу для обретения богатства.

Подаст. Здесь у самих греков имеются два разных чтения. Одни кодексы приписывают будущее время всем трем глаголам: подавать, умножать и растить. Тогда это будет подтверждением предыдущего предложения. Павел нередко повторяет одно обетование разными словами, дабы лучше внушить его слушателям. В других кодексах эти глаголы поставлены в инфинитиве. Известно же, что инфинитив иногда употребляется вместо желательного наклонения. Я больше привержен последнему чтению. Во-первых, оно более общепринято, во-вторых, для Павла обычно заключать увещевания молитвой, в коей он просит у Бога то, о чем ранее учил. Хотя и первое толкование вполне подходит.

Хлеб в пищу. Апостол указывает на двойной плод Божия благословения. Мы будем иметь все достаточное для терпимой жизни. Кроме того, у нас будет из чего уделять другим нуждающимся. Ведь мы рождены не только для самих себя. И христианин не должен жить для себя или владеть тем, что имеет, лишь для собственного пользования. Посеянное и плоды праведности апостол относит к милостыни. Ибо плоды праведности он косвенно противопоставляет доходу, который большая часть людей собирает в хранилища и житницы. Дабы каждый обогащался тем, что смог собрать или наскрести. Первое понятие означает материю благотворительности, а второе – само дело или же долг любви. Ведь праведность здесь понимается как сама благотворительность. Апостол как бы говорит: Бог не только подаст вам то, что каждому достаточно для собственного употребления. Он сделает так, чтобы источник вашей щедрости никогда не иссякал. Если же далеко не последняя часть праведности – помогать ближним в нищете, значит, нечестивы те, кто небрежет этим своим долгом.

11) *Вы во всем богаты были*. Под простотою апостол понимает природу истинного радушия, когда, поручив наше беспокойство Богу, мы с готовностью отдаем, что имеем, на заповедованное Им использование. Павел учит, что это – истинное богатство верующих. Вручив провидению Божию довольство своего пропитания, они не сомневаются благотворить другим. Не без причины зовет он это богатством щедрой души, довольной даже скудным пропитанием. Ведь для неверующих, беспокоящихся о своем имуществе, то же самое будет нищетой и голодом.

Которая через вас. Павел хвалит будущую милостыню коринфян, указывая и на другое ее следствие. Милостыня эта будет во славу Божию. Затем он более подробно объясняет это следующим образом: кроме обычного плода любви милостыня порождает также благодарение Богу. Эффект усиливается, ибо многие будут благодарить Бога. И не только за помогающую им щедрость дарителей, но и за все благочестие коринфян. Делом апостол называет обязанность, которую он принял по просьбе церковью. Там, где мы переводим «служением», на греческом стоит *λειτουργία*. Это слово иногда означает жертву, а иногда – любой публичный дар. И то, и другое хорошо подходит настоящему месту. Ведь называть милостыню жертвой далеко не ново. После распределения служений между гражданами никто не тяготится исполнять свой долг. И так же в Церкви – общение в благах должно считаться необходимым служением. Коринфяне, как и другие, помогая иерусалимским братьям, приносили жертву Богу; исполняли законный, возложенный на них долг. А Павел был служителем этой жертвы. Слово «служение» можно также относить к коринфянам, но смысл будет тот же.

13) *Опыт сего служения*. Опыт (как и во многих других местах) означает доказательство или свидетельство. Любовь коринфян хорошо подтверждалась тем, что они проявляли щедрость к своим далеким братьям. Но Павел идет дальше – к послушанию, выражающему согласие с Евангелием. Этим свидетельством мы истинно доказываем, что слушаемся евангельского учения. Согласие же явствует из того, что милостыня дается по общему согласию всех.

14) *Молясь за вас*. Павел не опускает ничего, что могло бы вдохновить коринфян. Вначале он говорит об утешении, которое испытывают верные. Затем – о благодарении, коим будет прославляться Бог. Больше того, это будет признанием, которое всем засвидетельствует их единодушное согласие в вере и благочестивом послушании. Наконец, апостол говорит о награде, которую коринфяне получают от святых, а именно – о благоволении, проистекающем из благодарности, и о молитве Богу. У них, – говорит Павел, – есть чем вам воздать. Они будут любить вас и помянуть в своих молитвах перед Богом. В заключение апостол, словно участвуя в сем желании, переходит к прославлению Бога. Этим он показывает, что считает свое упование как бы уже исполненным.

1. Я же, Павел, который лично между вами скромн, а заочно против вас отважен, убеждаю вас кротостью и снисхождением Христовым. 2. Прошу, чтобы мне по пришествии моем не прибегать к той твердой смелости, которую думаю употребить против некоторых, помышляющих о нас, что мы поступаем по плоти. 3. Ибо мы, ходя во плоти, не по плоти воинствуем. 4. Оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь: ими ниспровергаем замыслы 5. и всякое превозношение, восстающее против познания Божия, и пленяем всякое помышление в послушание Христу, 6. и готовы наказать всякое непослушание, когда ваше послушание исполнится.

(1. Я же, Павел, который внешне между вами скромн, а заочно против вас отважен, убеждаю вас кротостью и снисхождением Христовым. 2. Прошу, чтобы мне по пришествии не дерзать с тем упованием, которым думаю быть дерзким к тем, кто помышляет о нас, что мы поступаем по плоти. 3. Ибо мы, ходя во плоти, не по плоти воинствуем. 4. Оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь: ими ниспровергаем замыслы 5. и всякое превозношение, восстающее против познания Божия, и пленяем всякое помышление в послушание Христу, 6. и готовы наказать всякое непослушание, когда ваше послушание исполнится.)

Завершив увещевание, апостол переходит частью к опровержению клеветнических измышлений, возводимых на него лжеапостолами, а частью – к усмирению отдельных нечестивцев, которые не любили, когда их призывали к порядку. И те, и другие, чтобы преуменьшить авторитет Павла, толковали пламенность его посланий как *θρασοδοιλία*. Присутствуя, Павел якобы был не столь импозантен в словах и внешнем виде, но невзрачен и неприметен. Смотрите, – говорили они, – тот, кто, сознавая свою невзрачность, скромн и боязлив в личном общении, теперь, отсутствуя, яростно на нас ополчается. Почему же в общении он выглядит менее дерзким, чем в посланиях? Разве нас испугает тот, кто лично столь невзрачен? Откуда такая уверенность, что он считает себе все дозволенным в отношении нас? Такого сорта голоса раздавались повсюду, стремясь посмеяться над его суровостью и даже сделать ее ненавистной. Павел отвечает: он бывает дерзок лишь тогда, когда к этому вынужден. Невзрачность же внешнего облика, из-за которой он подвергался презрению, никак не уменьшает его авторитет. Ведь он отличается духовной силой, а не плотской помпой. Посему не останутся безнаказанными те, кто смеется над его увещеваниями, попреками или угрозами. В словах «Я, Павел» присутствует ударение. Апостол как бы говорит: хотя злые люди попрекают меня в двойственности, я никак не изменяюсь, и всегда остаюсь таким же.

1) *Убеждаю вас.* Речь здесь прервана. Что обычно бывает, когда говорят с пафосом. Смысл таков: Прошу вас, заклинаю снисхождением Христовым, не делайте своим упорством меня суровее, чем хочу я сам. Таким, каким я буду против всех, презирающих меня за невзрачный вид. Они не признают духовное превосходство, данное мне Господом, по которому меня и следует оценивать. Просьба его сообразована с текущими потребностями. Ведь он добавляет: «кротостью и снисхождением Христовым». Клеветники считали пороком, что, присутствуя, он казался менее достойным, и, наоборот, отсутствуя, метал молнии в своих посланиях. И ту, и другую клевету Павел уже достаточно опроверг. Но здесь он свидетельствует: больше всего ему приятна кротость, достойная служителя Христова. И пример этой кротости являет Собой его Учитель: Научитесь у Меня, ибо Я кроток и смирен, ярмо Мое приятно, и иго Мое легко. Так же и пророк (Ис.42:2,3), говорящий: не будет слышен глас Его на улицах, трости надломленной не переломит. И ту же самую кротость Христос требует от Своих слуг. Павел же, упомянув об этой кротости, тем самым дает понять, что вполне ей обладает. Он как бы говорит: заклинаю вас, не презрите кротость, которую явил Христос лично и которую ежедневно являет в лице Своих слуг. Кротость, которую вы также видите и во мне.

Лично между вами. Павел говорит это как бы от лица своих противников. Он почти дословно повторяет их поношения, но при этом, как вскоре увидим, не соглашается ни с одним из них.

2) *Прошу, чтобы мне.* Одни думают, что здесь имеется неполная речь: Павел не говорит того, о чем просит. Я же думаю: здесь содержится то, что отсутствует в предыдущей части. Так что получается общее увещевание: явите себя обучаемыми и послушными, и не вынуждайте меня к большей суровости. В этом и состоит обязанность доброго пастыря: спокойно и милостиво привлекать к себе овец, чтобы они дали собой управлять. И, по возможности, не принуждать их силой. Признаю, что суровость подчас необходима. Но начинать надо всегда с мягкости и действовать так до тех пор, пока слушатель выказывает обучаемость. Суровость же – крайнее средство. И надобно испытать все другие пути, до того как прибегнуть к суровости. Больше того, жестким можно быть только тогда, когда тебя вынуждают. Далее, противники считали Павла малодушным и боязливым при личном общении. И в этом они сильно заблуждались. Павел говорит, что в лицо даст отпор непокорным и горделивым. Они призирают меня, – говорит апостол, – как малодушного человека, но, когда дело дойдет до открытой схватки, они поймут, что я сильнее и смелее, чем они думают. Отсюда явствует, когда именно наступает время для жесткости. Только тогда, когда мы понимаем, что мягкость и ласка не приносят никакого успеха. Я сделаю это против воли, – утверждает Павел, – однако же твердо намерен это сделать. Хорошая оговорка: ведь людей, насколько в наших силах, скорее следует привлекать, чем тащить. Но когда для жестких и упорных мягкость оказывается бесполезной, тогда становится необходимым применить суровость. Иначе это будет уже не кротость, ни милосердие, но открытое попустительство.

Помышляющих о нас. Эразм перевел: «думающих о нас, словно мы ходим по плоти». Древний же переводчик, по моему мнению, ближе подошел к подлинному смыслу: «Кто считает нас как ходящих по плоти». Хотя фраза эта и плохо звучит на латыни, и не полностью выражает мысль апостола. Ведь λογίζεσθαι здесь означает считать и оценивать. О нас думают, – говорит Павел, – или же нас принимают за тех, которые ходят по плоти. Златоуст же «ходить по плоти» толкует как поступать недобросовестно или плохо исполнять свое служение. Действительно, под данным выражением Павел часто имеет в виду именно это. Однако здесь плоть скорее означает внешнюю помпу или показуху, которой себя обычно окружали лжеапостолы. Итак, Павел жалуется на несправедливость тех, кто видел в нем одну лишь плоть, то есть – внешнюю видимость, или же тех, кто по людскому обычаю все его дела приписывал самолюбию. Поскольку же Павел не выделялся дарами, обычно впечатляющими сынов века сего, его презирали как какого-то простолюдина. Но кто презирал? Мнительные люди, судившие о нем по одной лишь видимости, не смотревшие на то, что находится внутри.

3) *Ибо мы.* Здесь «ходить по плоти» означает «жить в миру». То, что в другом месте Павел зовет: «обитать в теле». Он был заключен в сосуд своей плоти, но это не мешало ему в своей немощи чудесно являть силу Святого Духа. И снова некая форма уступки противникам, ни в чем им, впрочем, не помогающая. «По плоти воинствуют» те, кто берется за что-то, уповая лишь на земную силу. Такие люди гордятся ею одной, не упоывая на водительство Святого Духа. И Павел отрицает, что принадлежит к их числу. Ведь он наделен вовсе не мирским или плотским оружием. То, что он утверждает о себе, подходит всем истинным Христовым служителям. Они, как было уже сказано, несут бесценное сокровище в глиняных сосудах. Итак, какой бы ни была их плотская немощь, в них все равно блистает духовная сила Божия.

4) *Оружия воинствования.* Каково оружие, таково и воинствование. Павел хвалится тем, что оснащен духовным оружием. Значит, его воинствование духовно. Отсюда следует, что оно не плотское. Сравнение же евангельского служения с воинской службой вполне уместно. Ведь жизнь христианина – постоянное воинствование. Всякий, поступивший на службу Богу, больше не имеет поблажек от сатаны, но постоянно им тревожится и беспокоится. Однако служители Слова и пастыри должны быть прикрытием для всех прочих. Действительно, именно на них сатана нападает больше всего. Именно они выдерживают самые ярые удары и нападки. Обманывается тот, кто приступает к сему служению, не будучи подготовлен к нему душевно и физически. Ведь исполнять это служение значит – воинствовать. Евангелие – словно огонь, возжигающий ярость сатаны. Посему всякий раз, видя преуспевание Евангелия, сатана неизменно восстает на битву. Какое же оружие может его отразить? Только духовное. Итак, всякий лишенный силы Святого Духа, как бы он ни бахвалился, называя себя служителем, не показывает на деле, что действительно таков. Хотя, если давать полное определение духовного оружия, то учение надо соединить со рвением, а добрую совесть – с действенностью Духа и прочей необходимой благодатью. Пусть же предстанет папа, пытаюсь присвоить себе апостольское достоинство. Он окажется более чем смешон, судя по правилу, изложенному Павлом.

Сильные Богом. Или же: сильные по Богу. Или же: сильные от Бога. Я думаю, что здесь имеется скрытый антитезис. Сила противопоставляется немощи, видимой снаружи для мира. Таким образом, Павел, отринув суждения людей, просит Бога доказать его силу. Хотя антитезис может иметь и иной смысл: сила Павлова оружия опирается не на мир, а на Бога.

На разрушение твердынь. Твердынями Павел зовет помыслы и возвышение против Бога, о которых будет говорить впоследствии. Он зовет их так совершенно оправданно. Он хвалится, что нет таких твердынь в мире, которые не мог бы разрушить. Апостол как бы говорит: знаю, сколь гордятся плотские люди своей напыщенностью, и как надменно меня презирают. Словно во мне есть только ничтожество и грязь. А сами они вознесены чуть ли не до небес. Но мнительность их глупа. Ибо оружие Господне, которым я вооружен, превозможет все их якобы неприступные укрепления. Кроме того, ведя войну со Христом, мир вооружается двояко: гордыней, злокозненностью, хитростью, прочими тайными уловками, а также яростью и насилием. Павел отвергает и то, и другое. Под замыслами он понимает все, относящееся к плотской мудрости. Превозношение означает любую мирскую славу и силу. Итак, слуге Христову нет причин бояться какой-либо угрозы, восстающей на его учение. Пусть он продолжает работать, и все козни неизбежно рассеются. Больше того, царство Христово можно утвердить, только ниспровергнув все возвышенное в этом мире. Ведь мудрость плоти больше всего враждебна духовной божественной мудрости. Благодати Божией больше всего противятся естественные силы человека. И то же самое в отношении прочего. Итак, единственное основание царства Христова – унижение человека. Сюда же относятся слова пророка: да покраснеет луна и устыдится солнце, когда Господь начнет царствовать в тот день. А также: покосится вершина человека и смирится высота смертных, и превознесется один Господь в день тот, Ис.24:23 и 2:17. Итак, чтобы превознесся один Бог, вся слава мира должна исчезнуть.

5) *И пленяем.* Выше говорилось о борьбе духовного оружия с теми препятствиями, которые восстают на Евангелие Христово. Теперь же апостол ведет речь об обычном послушании, приводящем людей в повиновение Евангелию. Покуда мы полагаемся на собственный разум и думаем от самих себя, мы удалены от всякого доступа к учению Христову. Посему начинать надо со следующего: всякий разумный да станет глупцом, то есть – мы должны отречься от собственного разума и отвергнуться мудрости плоти. Затем мы

приносим свой опустошенный разум Христу, чтобы Он его наполнил. Следует отметить слова: «пленаем всякое помышление». Апостол как бы говорит: свободу человеческого разума надо сдерживать и обуздывать, дабы разум не мудрствовал вопреки Христову учению. Кроме того, его дерзость нельзя сдерживать иначе, нежели пленив его. А это происходит под водительством Духа. Только тогда разум позволит призвать себя к порядку и добровольно согласится на этот плен.

б) *И готовы наказать.* Это добавлено, чтобы люди не превозносились против его служения, считая, что останутся безнаказанными. Итак, он говорит, что ему не только дана сила добровольно приводить учеников в послушание Христу, но и сила для отмщения упорствующим. И его угрозы – не пустое сотрясение воздуха, но готовы, как говорится, немедленно исполниться. Кроме того, это мщение основано на слове Христовом (Мф.18:18): все, что свяжешь на земле, будет связано на небесах. И хотя, когда служитель выносит приговор, Бог не сразу поражает грешника, – суд служителя все равно утвержден и исполнится в свое время. При условии, что служитель пользуется духовным оружием. Иные же разумеют это о телесных наказаниях, которыми апостолы мстили нечестивым и гордецам. Как Петр поразил Ананию и Сапфиру смертью, а Павел – слепотой волхва Елиму. Однако первый смысл подходит больше. Ибо апостолы не всегда пользовались подобной властью. Павел же говорит обобщенно. Говорит о том, что в руке своей несет кару для всех непослушных.

Ваше послушание исполнится. Сколь разумно остерегается Павел оскорбить кого-либо чрезмерной суровостью. Ведь, пригрозив карой непокорным, он, чтобы не вводить их в отчаяние, говорит: в отношении вас моя задача иная. А именно – только сделать вас послушными Христу. Действительно, в этом и заключается основа Евангелия, как сказано в начале и конце Послания к Римлянам, 1:5 и 16:26. Посему все христианские учителя должны тщательно соблюдать этот порядок и прежде стараться мягко склонить слушателей к послушанию. Скорее дружески их приглашать, чем грозить карой за противление. Посему Христос сначала дал заповедь разрешать, а уже потом – заповедь связывать.

7. На личность ли смотрите? Кто уверен в себе, что он Христов, тот сам по себе суди, что, как он Христов, так и мы Христовы. 8. Ибо если бы я и более стал хвалиться нашею властью, которую Господь дал нам к созиданию, а не к расстройству вашему, то не остался бы в стыде. 9. Впрочем, да не покажется, что я устрашаю вас только посланиями. 10. Так как некто говорит: в посланиях он строг и силен, а в личном присутствии слаб, и речь его незначительна, – 11. такой пусть знает, что, каковы мы на словах в посланиях заочно, таковы и на деле лично.

(7. Что зримо снаружи, это вы видите. Кто уверен в себе, что он Христов, тот снова сам по себе суди, что, как он Христов, так и мы Христовы. 8. Ибо если бы я и более стал хвалиться нашею властью, которую Господь дал нам к созиданию, а не к расстройству вашему, то не остался бы в стыде. 9. Впрочем да не покажется, что я устрашаю вас только посланиями. 10. Послания, говорят, строгие и сильные, а личное присутствие неумоно, и речь незначительна, – 11. такой пусть знает, что, каковы мы на словах в посланиях заочно, таковы и на деле лично.)

7) *На личность.* Слова «зримо снаружи» можно понимать двояко. Или как собственный очевидный опыт, или как внешнюю маску того, кто вводит в заблуждение. Так же и само предложение можно прочесть и в утвердительном, и в вопросительном смысле. Да и слово **βλέπετε** стоит либо в императиве, либо в индикативе. Но я скорее думаю, что это порицание: коринфяны упрекают за то, что они позволяют пустой видимостью затмить себе очи. Павел как бы говорит: о других, раздувающихся от тщеславия, вы думаете хорошо. А меня презираете, поскольку я лишен показухи и претенциозности. Но Христос суду лицеприятному противопоставляет суд правый. Итак, апостол упрекает коринфяны за то, что, довольствуясь внешней видимостью, они не поняли, кого именно надо считать Христовыми слугами.

Кто уверен в себе. Слова полные упования. Апостол считает за данное, что он – несомненный слуга Христов, и это звание нельзя у него отнять. Всякий желающий считаться слугой Христовым необходимо должен сопричислить меня к себе, – говорит апостол. Почему? Пусть он «судит сам по себе». Ведь то же самое, что в нем достойно такой чести, он найдет и во мне. Так Павел намекает, что отделяющих себя от него не следует считать служителями. Далеко не все могут говорить столь уверенно. Ведь возможно (и каждый день бывает), что то же самое присвоят себе никчемные люди, только и делающие, что позорящие имя Христово. Но Павел говорит о себе лишь то, что уже доказал коринфянам ясными и твердыми свидетельствами. Посему, если кто, лишенный свидетельства собственных дел, захочет выставить себя таким же, он только рассмешит других. Быть *уверенным в себе* означает то же, что под этим предлогом присваивать себе право и авторитет. Ведь Христу служит не тот, кто хочет пользоваться почетом.

8) *Ибо если бы я.* То, что апостол причислил себя к тем, кого на самом деле превосходил, – говорит о его скромности. Но он не хотел быть настолько скромным, чтобы отказаться от своей власти. Посему Павел добавляет: он сказал меньше, чем имел право сказать. Ибо был не обычным служителем, но знаменитым даже среди апостолов. Итак, он утверждает: если я и буду хвалиться больше, то не постыжусь. У меня будет справедливый повод. Он не умалчивает о своей славе, и, однако, воздерживается от долгого о ней упоминания. Ибо коринфяне должны понять: он хвалится перед ними против воли. Лжеапостолы вынудили его к

этому своим нечестием. Иначе он никогда бы так не поступил. Властью Павел называет авторитет своего апостольства среди коринфян. Хотя одно и то же служение обще всем служителям слова, тем не менее, среди них имеются степени чести. Бог поместил Павла выше остальных, воспользовавшись его делами для основания коринфской церкви, и разнообразно украсил его апостольство. Кроме того, чтобы злые люди не ополчились на слово «власть», Павел говорит о том, с какой целью ему дана эта власть: для спасения коринфян. Отсюда следует: они не должны ей тяготиться или от нее скорбеть. Кто не допустит и не полюбит то, что, как он знает, ему полезно?

Далее, здесь содержится антитезис его власти, выражавшийся в превозношении лжеапостолов. Оно было таким, что коринфяне не чувствовали от него никакого плода, никакого назидания. Однако не подлежит сомнению, что властью наделены и остальные служители Слова. Ибо как проповедовать учение без власти? Поэтому им всем сказано: кто слушает вас, Меня слушает; кто отвергает вас, Меня отвергает. Но поскольку многие ложно претендуют на то, чего у них нет, обратим внимание, насколько простирает свою власть Павел. До тех пор, пока она способствует назиданию верных. Итак, те, кто использует свою власть для разрушения Церкви, являют себя тиранами и разбойниками, но не пастырями.

Во-вторых, следует отметить, что все это, по его словам, дал ему Бог. Тот, кто хочет что-то уметь, пусть считает Бога творцом этого умения. Многие претендовали на власть. Папа, раздув щеки, кричит, что он – наместник Христов. Но какое он даст доказательство? Ведь Христос дал власть не немым людям, но апостолам и другим служителям, дабы учение Евангелия не осталось бессильным. Посему вся власть служителей заключена в слове, но так, что Христос всегда остается единственным Господом и Учителем. Будем помнить, что в отношении законной власти требуются две вещи: чтобы давал ее Бог, и чтобы осуществлялась она для спасения душ. Кому именно Бог дал власть, и какими пределами ее ограничил, вполне известно. Этой властью законно пользуются те, кто верно служит Его заповеди.

Но здесь можно выдвинуть возражение. Бог сказал Иеремии (1:10): вот, Я поставляю тебя над народами и царствами, дабы насаждать и искоренять, созидать и разрушать. И выше мы видели, что апостолы поставлены для того, чтобы сломить всякое противное Христу превозношение. Больше того, евангельские учителя могут созидать лишь тогда, когда разрушат ветхого человека. К тому же, они возвещают Евангелие и для погибели нечестивых. На все это я отвечаю: сказанное здесь Павлом, не относится к нечестивым. Ведь он обращается к коринфянам, для которых желал сделать свое апостольство спасительным. И в отношении них он может действовать только ради назидания. Как мы уже говорили, Павел подчеркивает эту мысль, дабы коринфяне знали: лишь сатана – враг их спасения. Он нападает на власть сего святого мужа, на власть того, чья цель состоит в их назидании. Хотя, вообще говоря, истинно, что учение Евангелия по природе назидает, а не разрушает. Ведь свойство разрушать оно заимствует извне, а именно: от вины людей, которые претыкаются о положенный в основание камень. То же, что мы восстанавливаемся в образ Божий с гибелью ветхого человека, никак не противоречит словам Павла. Ведь разрушение в этом случае означает нечто хорошее. Здесь же разрушение означает зло, гибель того, что принадлежит Богу. Павел как бы говорит: коринфянам не вредна та власть, спасительная польза которой очевидна.

9) *Да не покажется.* Павел снова говорит о ранее опровергнутой клевете. О том, что в посланиях он отважен, а лично незначителен. Под этим предлогом нечестивцы насмеялись над его посланиями. Неужели нас испугает письмами тот, кто, присутствуя лично, едва бормочет? Итак, дабы его послания пользовались почетом, Павел отвечает: ни одно из возражений не уменьшает добросовестность ни его самого, ни его учения. Ибо результат не следует делать меньшим следствия. Присутствуя, он не меньше выделяется делами, чем, отсутствуя, словом. Итак, несправедливо считать презренным его внешний вид. Делом же Павел (на мой взгляд) зовет как действительность проповеди, так и достойные апостола добродетели, весь образ своей жизни. «Словами» означает здесь не сама суть учения, а лишь его форма и обрамление. Ведь Павел яростно сражался за учение. Презрение же возникло потому, что не было у него красноречия и яркости, ценимых в глазах людей.

12. Ибо мы не смеем сопоставлять или сравнивать себя с теми, которые сами себя выставляют: они измеряют себя самими собою и сравнивают себя с собою неразумно. 13. А мы не без меры хвалиться будем, но по мере удела, какой назначил нам Бог в такую меру, чтобы достигнуть и до вас. 14. Ибо мы не напрягаем себя, как не достигшие до вас, потому что достигли и до вас благовествованием Христовым. 15. Мы не без меры хвалимся, не чужими трудами, но надеемся, с возрастанием веры вашей, с избытком увеличить в вас удел наш, 16. так чтобы и далее вас проповедывать Евангелие, а не хвалиться готовым в чужом уделе. 17. Хвалящийся хвалился о Господе. 18. Ибо не тот достоин, кто сам себя хвалит, но кого хвалит Господь.

(12. Ибо мы не смеем сопоставлять или сравнивать себя с теми, которые сами себя выставляют: но они, измеряя себя самими собою и сравнивая себя с собою, поступают неразумно. 13. А мы не без меры хвалиться будем, но по мере правила, которое назначил нам Бог в такую меру, чтобы достигнуть и до вас. 14. Ибо мы не напрягаем себя, как не достигшие до вас, потому что достигли и до вас в благовествовании Христовом. 15. Мы не без меры хвалимся, не чужими трудами, но надеемся, что с возрастанием веры вашей с избытком прославимся и мы по нашему правилу, 16. так чтобы мне и далее вас проповедывать Евангелие, а

не хвалиться готовым по чужому правилу. 17. Хвляющийся хвалить о Господе. 18. Ибо не тот достоин, кто сам себя хвалит, но кого хвалит Господь.)

12) *Ибо мы не смеем.* Павел говорит с иронией. Ведь впоследствии он не только сравнивает себя с ними, но и, осмеивая их суетность, оставляет далеко позади. Этой же иронией Павел высмеивает не только наших смельчаков, но и самих коринфян, потакавших их глупости превратным одобрением. Я, – говорит апостол, – довольствуюсь своей посредственностью, ибо не дерзаю сравнивать себя с вашими апостолами, проповедующими собственное превосходство. Кроме того, утверждая, что их слава заключается в словах и гордыне, Павел показывает их пустоту и гниль. За собой же, вместо слов, он отстаивает само дело, то есть – истинный и твердый повод для похвалы. Однако апостол, кажется, сам грешен в том, в чем попрекает остальных. Ведь вскоре он будет хвалить самого себя. Отвечаю: надо иметь в виду его цель. Ведь не о собственной похвале пекутся те, кто, будучи лишен всякого тщеславия, хотят с пользой служить одному лишь Господу. Что же касается настоящего места, то нет причин искать другой ответ, кроме того, который можно почерпнуть из самих слов. Хвляющимися самих себя называются те, кто, не имея истинной похвалы, дерзко превозносятся, выставляя себя теми, кем не являются. Что вполне ясно из следующих слов.

Которые сами себя. Здесь апостол указывает на их нелепость пальцем. Подслеповатый хорошо видит среди слепых. Глуховатый отчетливо слышит среди совершенно глухих. Таковы были те, кто льстил себе и рекламировал себя другим, поступая так потому, что не видел никого лучшего. Если бы они сравнили себя с Павлом или кем-то ему подобным, то, будучи вынуждены отбросить это мнение, от превозношения сразу же обратились бы в стыд. И это видно на примере монахов. Ведь, будучи неучеными ослами, они считаются знающими из-за длинных одежд и капюшонов. А ежели кто лишь немного приобщится к более изящной словесности, то сразу же подобно павлину распускает свои перья. О нем идет чудесная молва, его почитают люди. Но если, отложив сутану, монах подвергнется справедливой проверке, станет очевидной вся его суета. Почему? Потому что, по древней поговорке, незнание дерзко. Но главная гордыня монахов вызвана тем, что они меряют себя самими собой. Действительно, поскольку в их затворах царит одно варварство, ничего удивительного, что подслеповатый царствует среди слепых. Такими и были противники Павла. Они внутренне аплодировали себе, не думая о том, сколькими добродетелями подтверждается истинная слава, пусть даже уступающая превосходству Павла и ему подобных. Одна эта мысль уже должна была их устыдить. Но справедлива кара мнительных людей: быть смешными в своей нелепости (которой больше всего бояться), и вместо превратно желаемой славы получить поношение.

13) *А мы не без меры.* Теперь апостол противопоставляет свою умеренность глупости лжеапостолов. Одновременно он показывает, как следует правильно хвалиться. Мы правильно хвалимся, когда мы довольствуемся пределами, установленными Богом. Это дал мне Господь, этой мерой я довольствуюсь, больше ничего не прошу, ничего не присваиваю. Павел называет это «мерой своего правила». Правило же всякого, по которому надо действовать, есть дар и призвание Божии. Хотя нам не подобает ради себя хвалиться призванием и дарами Божиими, но лишь постольку, поскольку это способствует славе Того, Кто щедр к нам именно с целью Собственного прославления.

В такую меру. Эти слова означают: Павел не нуждается в красноречии. Обращаясь к коринфянам, которые были частью его славы (как он сказал в другом месте: «вы – мой венец»), он продолжает говорить в ранее начатой манере. Имею, – говорит апостол, – большой удел хвалиться, не переходя при этом положенных границ. А вы – часть этого удела. Он мягко попрекает их в неблагодарности за то, что коринфяне небрегли его апостольством. А ведь оно по Божией рекомендации должно было быть у них на самом почетном месте. В каждой части предложения надо усматривать противопоставление лжеапостолам, которым то же похваление ничуть бы не помогло.

14) *Мы не напрягаем.* Павел намекает на тех, кто протягивает руки, стремясь силой схватить то, что еще не имеет. Такова суетная слава вожделения; чаще же она не только суетна, но и гнила. Ибо мнительные люди не только протягивают руки и вскакивают на ноги, но и неумно несутся за любым поводом прославиться. Апостол намекает, что эти люди и ревнуют к нему коринфян. А затем говорит, каким образом достиг коринфян он сам. Таким, что служением своим основал их церковь. Посему он добавляет: «в благовествовании Христовом». Ибо пришел к ним не с пустыми руками, но неся с собой Евангелие. Предлог «в» другие переводят иначе. А именно: через Евангелие, – что вполне подходит по смыслу. Но, кажется, Павел именно хвалит приход к коринфянам. И хвалит потому, что принес им столь ценный дар.

15) *Не чужими трудами.* Павел прямо попрекает лжеапостолов. Они, покушаясь на чужой урожай, дерзали поносить тех, кто своим трудом и потом приготовил им место. Именно Павел основал коринфскую церковь, причем не без борьбы и бесчисленных трудностей. Затем пришли они, найдя протоптанный путь и уже открытую дверь. Дабы казаться великими, они неразумно присвоили себе то, что им никак не подобало. И при этом они принизили труд Павла.

Но надеемся. Павел снова косвенно попрекает коринфян. Они сами мешали ему больше преуспеть в распространении Евангелия. Ведь, сказав, что надеется «с возрастанием их веры» увеличить собственную похвалу, апостол называет причиной своей задержки немощь этой веры. Павел как бы говорит: теперь мне надлежало

бы заняться созданием новых церквей, и притом – с вашей помощью. Но лишь в том случае, если бы вы преуспели так, как надо. Вы же задерживаете меня своей немощью. Но надеюсь, что по дару Господню в будущем возьмемо среди вас большой успех. И так увеличится слава моего служения, по правилу призвания Божия. «Хвалиться готовым» означает то же, что хвалиться чужими трудами. Ведь, пока Павел сражался, лжеапостолы праздновали победу.

17) *Хвалящийся*. Предложение, вставленное как оговорка. Похвальба Павла могла показаться пустым превозношением. Посему он отсылает всех к суду Божию, говоря, что законно хвалится лишь тот, кто одобрен Богом. Впрочем, «хвалиться в Господе» понимается здесь иначе, чем в первой главе предыдущего Послания (ст.31) и у Иеремии (9:24). Ведь там Павел хочет сказать, что признает Бога автором всех благ, и всякое благо приписывает Его благодати. Так что, пусть люди не превозносятся, но прославляют лишь Бога. Здесь же «хвалиться в Господе» означает основывать свою славу только на суждении Божиим, и все иное считать за ничто. Ведь иные зависят от мнения людей и взвешивают себя на лживых весах народной молвы, а иных обманывает собственное тщеславие. Но Павел велит нам ревновать только о той славе, когда мы угождаем Господу, от суда Которого стоим или падаем. Язычники утверждают, что истинная слава заключена в правой совести. Это – правда, но не вся. Ведь все слепнут от любви к самим себе. Посему мы не можем упокоиться в той оценке, которую сами себе даем. Надобно помнить, что Павел говорит в другом месте (1Кор.4:4). Он ничего за собой не сознает, но не поэтому оправдывается. Зачем он так говорит? Чтобы мы знали: только Богу принадлежит право выносить нам приговор. Сами же мы не судьи в собственном деле. Этот смысл подтверждает и следующее предложение: не тот достоин, кто хвалит себя. Ведь легко обманывать людей ложной видимостью. Что и происходит каждый день. Итак, призрев все остальное, давайте же думать лишь о том, чтобы угождать Богу и довольствоваться лишь Его одобрением. Оно по праву должно значить для нас больше, чем похвала всех прочих. Некто сказал, что похвала Платона ценнее для него тысячи других. Но здесь идет речь не о людской похвале, не о том, кто кого перевешивает, но о приговоре Самого Бога, способного отменить любое людское суждение.

Глава 11

1. О, если бы вы несколько были снисходительны к моему неразумию! Но вы и снисходите ко мне. 2. Ибо я ревную о вас ревностью Божиею; потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистой девою. 3. Но боюсь, чтобы, как змий хитростью своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились, уклонившись от простоты во Христе. 4. Ибо если бы кто, придя, начал проповедывать другого Иисуса, которого мы не проповедывали, или, если бы вы получили иного Духа, которого не получили, или иное благовестие, которого не принимали, – то вы были бы очень снисходительны к тому. 5. Но я думаю, что у меня ни в чем нет недостатка против высших Апостолов: 6. хотя я и невежда в слове, но не в познании. Впрочем мы во всем совершенно известны вам.

(1. О, если бы вы немного потерпели меня в моем неразумии! Но вы и снисходите ко мне. 2. Ибо я ревную о вас ревностью Божиею; потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистой девою. 3. Но боюсь, чтобы, как змий хитростью своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились, уклонившись от простоты во Христе. 4. Ибо если кто, придя, проповедует другого Иисуса, которого мы не проповедывали, или, если вы получаете иного Духа, которого не получили, или иное благовестие, которого не принимали, – то охотно стерпели бы. 5. Ибо я думаю, что ни в чем не ниже высших Апостолов: 6. впрочем, хотя я и невежда в слове, но не в познании. Но мы везде и во всем совершенно известны вам.)

1) *О, если бы вы несколько*. Поскольку Павел видел, что слух коринфян отчасти притупился, он пользуется иным приемом. Он говорит о своем желании, как поступают те, кто не смеет просить открыто. Однако сразу же, словно набравшись храбрости, он просит коринфян стерпеть его неразумие. Неразумием же Павел зовет следующую затем похвалу самому себе. И не потому что собирается хвалиться впустую. Ведь он был вынужден к этому необходимостью, и притом сдерживал себя, дабы не казаться неумеренным. Но поскольку скромному человеку неестественно вещать собственную славу, Павел делает коринфянам подобную уступку. Слово «снисходите», переведенное мною в повелительном наклонении, Златоуст ставит в наклонении изъявительном. Действительно, греческий глагол допускает два толкования, причем оба совершенно подходят по смыслу. Но поскольку приведенные Павлом доводы направлены на то, чтобы коринфянам было не тяжело к нему снисходить, и поскольку ниже он упрекает их в том, что они к нему не снисходят, я и последовал древнему переводчику. Говоря «о, если бы», Павел кажется, выражает свою неуверенность. И теперь, словно поправляя это сомнение, он открыто и прямо им повелевает.

2) *Ибо я ревную*. Вот, почему он неразумен. Ведь ревность полностью поглощает человека. Павел как бы говорит: не требуйте от меня беспристрастия спокойного человека, незатронутого чувством. Пыл ревности, которой я горю ради вас, не позволяет мне успокоиться. Но поскольку ревность бывает двойственной – одна происходит от любви к самим себе, порочна и извращенна, а другая та, которую имеем по Богу, – апостол уточняет тип своей ревности. Ибо многие ревнуют по себе, а не по Богу. Лишь та ревность благочестива и правильна, которая взирает на Бога, и следит, чтобы Он не был лишен подобающей Ему чести.

Я обручил вас единому мужу. Павел доказывает свою ревность, ссылаясь на цель своей же проповеди. Она направлена на то, чтобы обручить коринфян Христу и сохранить их в союзе с Ним. Впрочем, в своем лице Павел рисует нам образ добросовестного служителя. Ведь жених Церкви один – Сын Божий. А все служители – друзья жениха. Как и свидетельствует о себе Иоанн Креститель (Ин.3:29). Итак, все они должны заботиться о том, чтобы верность христиан святому браку оставалась незыблемой. Но это они могут сделать, только проникшись чувствами жениха. Дабы каждый из них заботился о чистоте Церкви, как муж печется о чистоте своей жены. Пусть исчезнут холодность и вялость. Ведь тот, кто холоден, никогда не будет пригоден к такому делу. Однако пусть остерегаются больше работать для себя, чем для Иисуса Христа. Пусть не занимают Его место. Иначе, выдавая себя за друзей Христа, но, влюбляя в себя Его невесту, они на деле окажутся прелюбодеями.

Чистой девою. Мы можем быть обручены Христу лишь при том условии, что приносим Ему в дар нашу девственность и храним ее свободной от всякой порчи. Посему обязанность служителей Евангелия – очищать наши души, дабы те стали скромными невестами Иисуса Христа. Иначе они не исполнят своего долга. Можно понять так, что каждый представляет себя как чистую деву, или же что служитель представляет весь народ, выставляя его перед взором Христа. Второй вариант нравится мне больше. Посему я перевел иначе, нежели Эразм.

3) *Но боюсь.* Апостол начинает объяснять, какова именно эта девственность. Она состоит в том, что мы должны всю жизнь прилепляться одному Христу. Бог всюду требует от нас быть связанными с Ним душою и телом. Он говорит, что является Богом ревнителем, сурово мстящим за оскорбление отходящим от Него людям. Однако эта связь осуществляется во Христе. Как и учит Павел в Еф.5. Теперь же он излагает способ этой связи: нам надо оставаться в простоте чистого Евангелия. Подобно тому, как при заключении брака составляется свидетельство, так и духовный брак между нами и Сыном Божиим, скреплен Евангелием, словно брачным свидетельством. Если мы сохраним веру, любовь, послушание, которые Бог от нас требует, Он, со Своей стороны, останется верен нам. Но Павел говорит, что озабочен тем, как бы разум коринфян не уклонился от простоты Христовой. По-гречески Павел говорит: *εἰς Χριστόν*. Эразм переводит: ради Христа. Но ближе к мысли Павла (на мой взгляд) подошел древний переводчик. Ведь простотою во Христе зовется та, что хранит нас в истинном и чистом евангельском учении и не допускает вводить в него какую-либо порчу. Этим апостол хочет сказать: разум повреждается всякий раз, когда хоть на йоту отклоняется в ту или иную сторону от чистого Христова учения. И справедливо. Кто не осудит в бесстыдстве замужнюю женщину, как только та обратит свой слух к обольстителю? Так и мы, подпуская нечестивых и ложных учителей, обольстителей сатаны, ясно показываем, что ничуть не стараемся хранить Христу супружескую верность. Надо отметить слово «простота». Ведь Павел боится не того, что коринфяне полностью и открыто отпадут от Иисуса Христа. Он боится того, что постепенно они отклонятся от простоты и, в конце концов, уйдут к мирским и чуждым выдумкам. Он приводит сравнение: как змий обольстил Еву своей хитростью. Ведь если лжеучителя выявляют видимость мудрости, если отличаются красноречием, если вползают в души слушателей и лестью вливают в них свой яд, то сатана точно так же обольстил в свое время Еву. Противник не признается открыто в своем противлении, но незаметно вползает в доверие под благовидным предлогом.

4) *Если бы кто.* Павел обуздывает радушие коринфян в приеме лжеапостолов. Ведь, будучи ворчливы и раздражительны по отношению к Павлу, оскорбляясь по любому поводу, даже от легкого попрека, коринфяне позволяли лжеапостолам все, терпели их гордыню, надменность и настырность. Павел осуждает такую дурную учтивость, обвиняя их в отсутствии разборчивости и здравого суждения. Он как бы говорит: почему они столь многое позволяют себе в отношении вас, а вы спокойно сносите их господство? Если бы они возвестили вам иного Христа или иное Евангелие, или иного духа, нежели вы приняли от меня, я одобрил бы вашу учтивость. Ведь такие люди были бы ее достойны. Но поскольку они не принесли вам ничего, что бы я не дал вам раньше, то, как понимать ваше отношение? Вы чуть ли не поклоняетесь тем, кому ничем не обязаны, и презираете меня, через которого Бог даровал вам столькие благодеяния! Такого сегодня почтение папистов к своим епископам. Ведь, находясь под их тягчайшей тиранией, паписты легко ее сносят. А Самого Христа, не колеблясь, отовсюду изгоняют. Иной Христос и иное Евангелие понимаются здесь иначе, нежели в Послании к Галатам, 1:8. Ведь там иное противопоставлено подлинному и истинному, и посему означает нечто ложное и придуманное. Здесь же Павел хочет сказать: не их, а моим служением дошло до вас Евангелие.

5) *Но я думаю.* Теперь, устранив то, чем они могли бы себя извинить, апостол обличает их в неблагодарности. Он говорит, что равен даже высшим апостолам. Итак, коринфяне неблагодарны потому, что, встретив такого человека, не оценили его по достоинству. Полагавшийся ему по праву авторитет они отдали другим никчемным людям. И Павел утверждает, что скромнен в своих оценках. Ведь дело было ясным и известным всем. Он хочет сказать, что Бог украсил его апостольство не меньшей благодатью, чем Иоанна и Петра. Кроме того, презирающий признанные им дары Божии не может не считаться злым и неблагодарным. Итак, везде, где ты видишь дары Божии, надлежит почитать и Самого Бога. Я имею в виду, что каждый достоин чести постольку, поскольку выделяется благодатью Божией. Особенно если от нее тебе выпадает какой-либо плод.

б) *Хотя я и невежда.* Лишь в одном, на первый взгляд, Павел мог казаться ниже прочих апостолов: он был лишен красноречия. Итак, упреждая это возражение, он делает оговорку. Признавая себя неотесанным и грубым в слове, Павел отстаивает за собой истинное знание. Слово здесь означает красоту речи. А знание – сама суть учения. Как в человеке имеются тело и душа, так и в учении есть суть и облакающее ее словесное украшение. Павел же утверждает: он держится того, чему надо учить и что необходимо знать. Хоть и не является ритором, умеющим пояснить свое учение изящными и изысканными выражениями. Но, спрашивается: разве апостолам не нужно умение учить? Иначе как они будут пригодны для научения? Для других достаточно и одного знания, но как может быть немым учитель? Отвечаю: Павел не говорит, что неопытен в слове подобно какому-то младенцу. Но, поскольку в отличие от других он не выделялся красноречием, то соглашается отдать им в этом первенство, удержав за собою главное, а именно – саму суть, оставив прочим умение говорить. Если же кто спросит: почему Господь, устроивший людские языки, не наделил такого апостола красноречием, дабы быть во всем достаточным; отвечу: ему обильно было дано то, что восполняло отсутствие красноречия. Мы видим и чувствуем, какое величие сквозит в его посланиях, какая высота мысли, какая весомость, какая сила. Его слова – точно молнии. Разве действенность Святого Духа не лучше проявляется в простоте слов, чем в изяществе и внешнем блеске? Но об этом подробнее сказано в предыдущем послании. В итоге: формально Павел признает обвинения противников. Но по сути их отрицает. Давайте же и мы научимся по его примеру быть скромными в речах. И будем помнить простонародную, но известную поговорку: пусть другие держатся за имя, мы же будем держаться за саму вещь. Если же к этому добавится красноречие – еще лучше. Но к нему надо прибегать не для искажения учения, а для его подлинного изъяснения.

Впрочем мы во всем. Поскольку уравнивание себя с высшими апостолами выглядело дерзостью, то, дабы его не винили в гордыне, Павел делает судьями самих коринфян. Лишь бы судили они, исходя из собственного опыта. Ведь из многих подтверждений они уже знали: Павел хвалится не напрасно и не без причины. Итак, апостол говорит, что больше не нуждается в словах. Ибо дела и опыт достаточно подтверждали сказанное.

7. Согрешил ли я тем, что унижал себя, чтобы возвысить вас, потому что безмездно проповедывал вам Евангелие Божие? 8. Другим церквам я причинил издержки, получая от них содержание для служения вам; и, будучи у вас, хотя терпел недостаток, никому не докучал, 9. ибо недостаток мой восполнили братья, пришедшие из Македонии; да и во всем я старался и постараюсь не быть вам в тягость. 10. По истине Христовой во мне скажу, что похвала сия не отнимется у меня в странах Ахаии. 11. Почему же так поступаю? Потому ли, что не люблю вас? Богу известно! Но как поступаю, так и буду поступать, 12. чтобы не дать повода ищущим повода, дабы они, чем хвалятся, в том оказались такими же, как и мы.

(7. Согрешил ли я тем, что унижал себя, чтобы возвысить вас, потому что безмездно проповедывал вам Евангелие Божие? 8. Другим церквам я причинил издержки, получая от них содержание для служения вам; и, будучи у вас, хотя терпел недостаток, никому не докучал, 9. ибо недостаток мой восполнили братья, пришедшие из Македонии; и во всем я старался и постараюсь не быть вам в тягость. 10. По истине Христовой во мне: похвала сия не отнимется у меня в странах Ахаии. 11. Почему же? Потому ли, что не люблю вас? Богу известно! 12. Но как поступаю, так и буду поступать, чтобы не дать повода ищущим повода, дабы они, чем хвалятся, в том оказались такими же, как и мы.)

7) *Согрешил ли я.* Смирение апостола и вызвало презрение к нему, хотя добродетель сия редка и достойна особой хвалы. Смирение означает добровольное принижение. Ведь то, что Павел вел себя скромно, словно не имел ничего выдающегося, и многие думали, будто он – обычный человек, – все это он делал ради блага коринфян. У этого человека была такая забота и такое усердие к их спасению, что по сравнению с ними он пренебрегал даже уважением к самому себе. Посему Павел говорит, что добровольно отказывается от величия, дабы коринфяне усилились его ничтожеством. Ведь целью его было способствовать их спасению. Теперь он косвенно попрекает их в неблагодарности за то, что благочестивое чувство они обратили ему во зло. Но делает это не с целью обругать, но чтобы действеннее призвать их вернуться к здравому смыслу. Действительно, говоря иронично, Павел острее уколол их, чем если бы говорил просто, не прибегая к образам. Он мог бы сказать: Что? Вы презираете меня за то, что я служу вашему благу? Однако заданный вопрос больше способствовал их устыжению.

Безмездно. Это часть Павлова уничижения. Ведь он отказался от законного права. Словно находился в худшем положении по сравнению с прочими. Но нечестие некоторых было столь велико, что они принижали апостола как раз за этот поступок. Словно он сам показал, что недостоин награды. Почему Павел служил коринфянам бесплатно? Об этом говорится в следующем предложении. Он не везде вел себя таким образом. Но, как мы видели в предыдущем послании, была опасность, что подобным поведением он даст лжеапостолам повод для клеветы.

8) *Причинял издержки.* Думаю, апостол намеренно воспользовался нежелательным словом, дабы лучше показать, сколь недостойно его презирают коринфяне. Дабы служить вам, – говорит Павел, – я обеспечивал себе содержание, обирая другие церкви. И поскольку я столь сильно шадил вас, недостойно отвечать мне черной неблагодарностью. Эта метафора взята из воинского обычая. Подобно тому, как победители берут

мзду от покоренных народов, так и все, что Павел получал от церквей, обретенных им для Христа, было как бы мздой победителя. Хотя он никогда не брал награду против воли дающих. То, что они добровольно давали ему, было их долгом. Долгом, основанным на праве духовной войны. Заметь, что Павел говорит о своей нужде. Ибо только отягощаемый нуждою, он посмел бы отягощать других. Иногда Павел работал сам, как мы видели ранее. Но когда этот труд был недостаточен для поддержания жизни, македоняне восполняли его недостаток. Так что, восполнялось лишь то, в чем была недостаточность. О святом благоразумии апостола и его старании избегать опасности мы говорили в другом месте. Здесь же следует отметить благочестивое рвение македонян. Они не сомневались давать плату от своего достатка, чтобы другим, даже более богатым, чем они, было возвещено Евангелие. О, сколь мало сегодня македонян, и сколь много коринфян!

10) *По истине Христовой.* Дабы кто не заподозрил, что Павел побуждает коринфян в будущем быть к нему щедрее и возместить за прошлые ошибки, апостол клянется, что ничего не возьмет ни от них, ни от других ахайцев, даже если ему будет предложено. Ведь фраза «по истине Христовой во мне» есть формула клятвы, которая означает: да не будет во мне истины Христовой, коль не сохранию сию славу среди ахайцев. В Ахайе же находился город Коринф.

11) *Потому ли, что не люблю вас?* Кого мы любим, с теми обращаемся более радушно. И дабы коринфяне не оскорбились от того, что, презрев их щедрость, апостол принимал пожертвования от македонян и обещает в будущем поступать так же, Павел устраняет и это подозрение. Он как бы от их лица спрашивает: не признак ли это неблагосклонности? Павел не отвечает на вопрос прямо, но его косвенный ответ еще весомее. Он призывает Бога в свидетели своего благоволения к коринфянам. Здесь видно, что три стиха содержат в себе две клятвы. Но клятвы эти законны и святы потому, что преследуют правую цель и опираются на подходящий повод. Итак, без различия осуждать все клятвы говорит о безумии, не различающем между белым и черным.

12) *Но как поступаю.* Павел вновь объясняет свою цель. Лжеапостолы, дабы привлечь к себе неопытных, воздерживались от мзды. Служа безвозмездно, они создавали видимость редкостного рвения. Если бы Павел воспользовался своим правом, то дал бы им повод воспрять, словно они много его превосходят. Павел же, чтобы не дать им повода, сам стал безмездно проповедывать Евангелие. Он добавляет, что хочет лишиться повода тех, кто этот повод ищет. Этой уловкой лжеапостолы хотели зарекомендовать себя и опорочить Павла, словно в чем-то его превосходили. И апостол отказывается дать им такой шанс. Они, – говорит Павел, – равны нам в том, чем похваляются в одиночку. Кроме того, увещание: не давать повода нечестивым, – весьма полезно, всякий раз как те пытаются им воспользоваться. Единственный способ их одолеть – не помогать им нашим неразумием.

13. Ибо таковые лжеапостолы, лукавые делатели, принимают вид Апостолов Христовых. 14. И неудивительно: потому что сам сатана принимает вид Ангела света, 15. а потому не великое дело, если и служители его принимают вид служителей правды; но конец их будет по делам их.

(13. Ибо таковые лжеапостолы – лукавые делатели, принимающие вид Апостолов Христовых. 14. И неудивительно: потому что сам сатана принимает вид Ангела света, 15. а потому не великое дело, если и служители его преобразуются, словно являются служителями правды; но конец их будет по делам их.)

13) *Ибо таковые.* Хотя апостол отказывает противникам в том, что они особенно желали себе присвоить, он не довольствуется тем, что уравнивает себя с ними. Он не оставляет им ничего, в чем бы они заслуживали похвалы. Презрение к мзде внешне было похвальным. Но Павел говорит, что этим они, лжеапостолы, создают видимость для облегчения своего обмана. Как если бы блудница заимствовала себе одеяния почтенной замужней женщины. Надо было сорвать с них маску, коей они затемняли славу Божию. Лукавые делатели, – говорит о них апостол; то есть, сперва они не выдают своего нечестия, но хитро вползают в доверие под благовидным предлогом. Посему их следует тщательно и глубоко проверять. Дабы мы не принимали их как истинных слуг Христовых, сразу, как только заметим в них какую-то добродетель. Не из-за зависти опорочивает Павел то, что могло показаться добродетелью, но, вынуждаемый нечестием противников, открывает он тайное их зло. Ведь профанация добродетели приносит вред, а лжеапостолы делали вид, будто ревнуют больше истинных служителей Христовых.

14) *И неудивительно.* Довод от большего к меньшему. Если сатана, будучи самым худшим, главою и князем всех злодеев, преобразует себя, разве не то же самое будут делать его служители? Сегодня мы видим и то, и другое. Сатана, побуждая нас ко злу, не признается, кто он есть на самом деле. Он не добился бы успеха, если бы мы знали, что он – главный враг и воитель против нашего спасения. Итак, сатана всегда пользуется какой-нибудь приманкой, чтобы нас обмануть. Он не сразу показывает свои рога (как говорят в народе), но, скорее, пытается предстать ангелом света. Даже подталкивая нас к тяжким преступлениям, он претендует на некую добродетель, дабы мы по неосторожности попали в его сети. Что удивительного, если он является нам под видом добра, даже от имени Самого Бога? И такую же тактику используют его слуги. Золотые слова: наместник Христов, преемник Петра, раб рабов Божиих. Но каким окажется папа, если сорвать с него личину? Едва ли сам сатана, его учитель, превзойдет столь способного ученика в какой-либо гнусности и преступлении. Подобно Вавилону, он предлагает яд в золотой чаше. Итак, надо остерегаться внешних ли-

чин. Если же кто возразит: значит, надо подозревать всех, – ответчу: апостол не имел этого в виду. Есть признаки разборчивости, пренебрегать которыми – не благоразумие, а глупость. Но Павел хотел привлечь наше внимание, дабы мы не судили о льве только по его шкуре. Ведь, если не спешить с вынесением суждения, Господь вскоре Сам выведет правду на свет. Кроме того, Павел хотел предупредить нас. Оценивая слуг Христовых, мы не должны смотреть на личину, но доискиваться до главного. Служителями праведности Павел по еврейскому обычаю зовет верующих и испытанных людей.

15) *Конец их.* Павел добавляет сие для утешения благочестивых. Это слова великодушного человека, презирающего глупые людские суждения и терпеливо ожидающего дня Господня. Кроме того, нисколько не боясь суда Божия, он выказывает здесь особую убежденность совести.

16. *Еще скажу: не почти кто-нибудь меня неразумным; а если не так, то примите меня, хотя как неразумного, чтобы и мне сколько-нибудь похвалиться.* 17. *Что скажу, то скажу не в Господе, но как бы в неразумии при такой отважности на похвалу.* 18. *Как многие хвалятся по плоти, то и я буду хвалиться.* 19. *Ибо вы, люди разумные, охотно терпите неразумных: 20. вы терпите, когда кто вас порабощает, когда кто объедает, когда кто обирает, когда кто превозносится, когда кто бьет вас в лицо.* 21. *К стыду говорю, что на это у нас не доставало сил. А если кто смеет хвалиться чем-либо, то (скажу по неразумию) смею и я.*

(16. *Еще скажу: не почти кто-нибудь меня неразумным; а если не так, то примите меня, хотя как неразумного, чтобы и мне сколько-нибудь похвалиться.* 17. *Что скажу, то скажу не в Господе, но как бы в неразумии при такой отважности на похвалу.* 18. *Как многие хвалятся по плоти, то и я буду хвалиться.* 19. *Ибо вы охотно терпите неразумных, сами будучи разумны: 20. вы терпите, когда кто вас порабощает, когда кто объедает, когда кто обирает, когда кто превозносится, когда кто бьет вас в лицо.* 21. *К стыду говорю, словно сами мы были немощны. Большие того, если кто смеет хвалиться чем-либо, то (скажу по неразумию) смею и я.)*

16) *Еще скажу.* Апостол преследует две цели. Отчасти он хочет доказать грязную суетность лжеапостолов, которые постоянно пели себе хвалу. А отчасти показать коринфянам, что именно они вынудили его хвалиться вопреки собственному намерению. «Еще скажу», – говорит он, – ибо выше он достаточно показал, что нет причины его презирать. Одновременно он показал, сколь сильно отличается от других. Посему свою похвалу он не должен соотносить с их похвалой. Так он еще раз говорит о том, с какой целью до этого хвалился, а именно: чтобы защитить от презрения свое апостольство. Ведь если бы коринфяне исполняли свой долг, Павел вообще не стал бы об этом говорить.

А если не так. Если вы считаете меня неразумным, по крайней мере, позвольте мне воспользоваться своим правом и свободой. То есть, моим неразумием по обыкновению всех глупцов. Так Павел обличает лжеапостолов, которые, будучи в этом отношении весьма неразумны, не только пользовались терпимостью у коринфян, но и вызывали громкие аплодисменты. Павел объясняет, какого рода это неразумие: перечислять собственные похвалы. Для него непривычно то, что противники его делали без всякой меры и повода. Он дает это понять фразой: «сколько-нибудь». Данную фразу я отношу ко времени. Смысл таков: Павел не хочет хвалиться долго, и, словно на миг выступая от чужого имени, он вскоре закончит свою речь. Так же и мы обычно быстро пробегаем то, что не входило в наши намерения. В то время, как глупцы усердно заняты **ἐν παρήγοις**.

17) *Что скажу.* Внутренне Павел взирал на Бога, но сама форма речи казалась не соответствующей рабу Божию. Хотя в том, что Павел признает за собой, он скорее обвиняет лжеапостолов. Ибо его целью было не хвалить себя, но опровергнуть их. Итак, он переносит на себя принадлежавшее им, дабы открыть коринфянам глаза. Слово, переведенное мною как «отважность» по-гречески звучит: **ὑπόστασις**. О значении этого слова смотрите главу 9. Такие варианты перевода как «доказательство» или «сущность» никак здесь не подойдут.

18) *Как многие хвалятся.* Смысл таков: если кто возразит мне, что действия мои порочны, то что делают другие? Разве я не следую их примеру? Разве я один хвалюсь по плоти? Почему то, что в других похвально, во мне порочно? Итак, Павел, перечисляя свои похвалы, далек от самомнения. Он даже согласен подвернуться нареканию, лишь бы открыть суетность противников. «Хвалиться по плоти» означает больше упираться на то, что относится к показухе, а не к доброй совести. Ибо плоть здесь связана с миром, когда повод для похвалы мы черпаем от внешней личины, ценимой и уважаемой в глазах мира. Вместо слов «по плоти» иногда встречается фраза: «по наружности».

19) *Охотно терпите.* На мой взгляд, Павел иронично зовет коринфян разумными. Они презирали его, а это могло иметь место только если сами они сильно превозносились. Итак, апостол говорит: если вы так думаете, то исполните долг разумных: потерпите меня, которого презираете как неразумного. Отсюда я вывожу, что эта речь обращена не ко всем, но предназначена для тех, кто вел себя бесчеловечно и надменно.

20) *Вы терпите, когда.* Смысл может быть трояким. Или Павел иронично попрекает коринфян, что те, подобно неженкам, ничего не могут терпеть. Или он обвиняет их в беспечности. Ведь они постыдно поработи-

ли себя лжеапостолам. Или же Павел как бы от чужого лица говорит то, в чем клеветнически винули его самого: словно он присвоил себе тираническую власть над коринфянами. Второй смысл нравится Златоусту, Амвросию и Августину. Посему он повсеместно принят. Да и контекст прекрасно ему соответствует. Но, на мой взгляд, вполне подходит и третий смысл. Мы видим, как злые люди повсюду поносили Павла, словно тот господствовал необоснованно. Но Павел был далек от этого. Однако другой смысл более общепринят, и я не возражаю против него. Данное предложение согласуется с предыдущим так: вы все терпите от других, угнетают ли они вас, обижают ли, обращаются ли с вами надменно. Почему же вы не терпите меня, хотя я ни в чем их не ниже? Отрицая свою немощь, апостол понимает, что наделен совершенно особой божественной благодатью. Слово «немошные», как мы вскоре увидим, имеет широкий смысл. У мира есть постоянная привычка, которая сохраняется до конца: надменно противостоять рабам Божиим, гневаться по каждому поводу, роптать и сетовать, жаловаться на умеренную строгость, шарахаться от любой дисциплины, рабски покоряться лжеапостолам и обманщикам, все им позволять, терпеливо сносить любое бремя, которое те соизволят возложить. Так и сегодня едва ли каждый трехсотый захочет подставить выю игу Христову. Хотя жестокою тиранию папы все сносят спокойно и терпеливо. Люди возмущаются отеческими и спасительными попреками своих пастырей, но спокойно сносят жесточайший гнет любых монахов. Разве не достойнее дыбы антихриста, а не сладкого правления Христова, те, кто столь изнежен, что не может переносить правду? Но так было всегда и везде.

21) *А если кто.* Ранее Павел спросил, почему коринфяне больше чтят других, нежели его. Хотя он вовсе не немощен, то есть – не достоин презрения. Теперь апостол подтверждает сказанное: если уж сравнивать, он никому не уступит в похвале и заслугах.

22. Они Евреи? и я. Израильтяне? и я. Семя Авраамово? и я. 23. Христовы служители? (в безумии говорю:) я больше. Я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. 24. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; 25. три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской; 26. много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, 27. в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в нагоде. 28. Кроме посторонних приключений, у меня ежедневно стечение людей, забота о всех церквах. 29. Кто изнемогает, с кем бы я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?

(22. Они Евреи? и я. Израильтяне? и я. Семя Авраамово? и я. 23. Христовы служители? (в безумии говорю:) я больше. Гораздо более в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и часто при смерти. 24. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; 25. три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночи и дни пробыл в пучине; 26. часто в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, 27. в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в нагоде. 28. Кроме посторонних приключений, у меня ежедневно стечение людей, забота о всех церквах. 29. Кто изнемогает, и я не изнемогаю? Кто соблазняется, и я не воспламеняюсь?)

22) *Они Евреи?* Теперь апостол, перечисляя свои достоинства, ясно показывает, что ни в чем не уступит прочим, если дело дойдет до состязания. Во-первых, он указывает на славное происхождение, коим особенно кичились его противники. Если они, говорит Павел, гордятся благородством, то я во всем им равен. Я также израильтянин, из семени Авраама. Похвала эта глупа и пуста. Но Павел для ее выражения пользуется тремя словами. Он словно перечисляет три различных преимущества. Этим повтором (думаю) апостол косвенно попрекает глупость тех, кто основывал всю свою славу на столь ничемном отличии. В их устах постоянно слышалась эта хвала, подобно тому, как суетные люди основывают напыщенность на пустом месте. Что касается слова «евреи», то оно родовое и происходит от Евера, Быт.11:15. Авраам в Быт.14:13 называет себя так, возможно, потому, что происходил от этого прадеда. Не лишено вероятности и предположение тех, кто толкует его как «живущие за рекой». Мы не видим, чтобы кто-то назывался так до Авраама, перешедшего реку во время исхода из своей земли. Затем это наименование, как явствует из истории Иосифа, стало знаменитым названием его семьи. Его форма указывает на родовое происхождение, что также доказывает процитированное мною место.

23) *Христовы служители?* Апостол, ведя речь об истинной похвале, не довольствуется простым равенством и продолжает себя возвышать. Ведь до сих пор он словно дым рассеивал их плотскую славу, противопоставляя ей свою собственную. Но, поскольку у них не было ничего основательного, Павел справедливо отделяет себя от них, когда речь заходит о настоящей славе. Ведь быть слугой Христовым много почетнее и величественнее, чем быть перворожденным среди всех первенцев семейства Авраама. Дабы упредить клевету, апостол снова называет себя неразумным. Думайте, – говорит Павел, – что мое превозношение нелепо. Оно все равно останется истинным.

В трудах. Павел доказывает, что как слуга Христов обладает большим превосходством. В конце концов, неоспоримо доказательство, когда вместо слов люди ссылаются на дела. Слово «труд» Павел ставит во множественном числе. Затем он говорит о «труде» в числе единственном. Не вижу, чем одно отличается от другого. Разве только здесь Павел говорит более обобщенно, включая то, что затем перечислит по отдельности. Так и слово «смерти» можно понимать, как любую разновидность опасности, неким образом грозящей смертью. Конкретные виды этих опасностей апостол вскоре упоминает. Он как бы говорит: я часто показывал пример, находясь при смерти, и еще чаще – находясь в трудах. В том же смысле слово «смерти» употребляется в первой главе.

24) *От Иудеев.* Несомненно: у иудеев в то время была отнята юрисдикция. Но поскольку этот народ (как говорят) был не слишком жесток, вероятно телесные наказания были ему позволены. Закон Божий велел, чтобы не заслужившие высшую меру наказания побивались перед судьей палками. Только бы им наносилось не больше сорока ударов, чтобы не покалечить и не обезобразить их тела. Далее, похоже на правду, что с течением времени установился обычай наносить только тридцать девять ударов, дабы по горячности не превысить число, установленное Богом. Подобных раввинистических предосторожностей у иудеев весьма много. Они ограничивают то, что позволил иудеям Бог. Отсюда с течением времени (когда все стало вырождаться) к такому же числу ударов стали приговаривать любого виновного. Хотя Господь заповедал не то, до какого предела должна доходить суровость, но то, где ее следует ограничить. Но можно согласиться и с другими, утверждающими, что к Павлу была проявлена большая жесткость. Это похоже на истину. Ведь если бы иудеи являли подобную жестокость ко всем, Павел сказал бы, что били его по обычаю. Уточнением же числа ударов он показывает чрезмерную суровость наказания.

25) *Три раза меня били.* Отсюда явствует, сколь многое претерпел апостол из того, о чем вовсе не упоминает Лука. Ведь он говорит лишь об одном случае побития камнями, об одном кораблекрушении, и одном бичевании. Однако здесь мы не видим ни полного рассказа, ни упоминания об отдельных событиях, но лишь перечисление самого главного. Опасности Павел разумеет в общем смысле. Как опасности, происходящие от его народа из-за сильной ненависти к его личности. С другой стороны, он восставлял на себя и язычников. В-третьих, апостолу угрожали козни лжебраций. Получалось так, что за имя Христово он оказался ненавистным всем. Посты же я понимаю как добровольные, поскольку ранее Павел особо упоминал о голоде и нищете. Именно такими знаками этот выдающийся слуга Христов подтверждал свое апостольство. Можно ли лучше распознать слуг Христовых, чем из стольких серьезных испытаний? И ничтожны те хвастуны, которые, ничего не сделав, ничего не претерпев ради Христа, неразумно себя превозносят. Но спрашивается: разве только тот слуга Христов, кто претерпел столько скорбей, бед и опасностей? Отвечаю: этого не требуется от всех, но там, где видны подобные знаки, свидетельство становится четче и очевиднее. Итак, тот, кто выделяется подобными отличиями, пусть не презирает других, менее испытанных и знаменитых, и не гордится по сему поводу. Но, всякий раз когда возникнет необходимость, он может по примеру Павла вознести себя в святой похвале против лживых и ничтожных людей. Лишь бы взирал он на Христа, а не на себя самого. Ведь похвалу разрушает лишь самомнение и гордыня. Главное – служить Христу с чистой совестью. А все остальное – как бы некие дополнения.

28) *Кроме посторонних.* Кроме посторонних, возникавших отовсюду и как бы неожиданных, приключений, – говорит апостол, – сколь велика была моя обычная ноша! Я забочусь обо всех церквах. Заботою обо всех церквах Павел называет повседневную работу. Так я позволил себе перевести слово *ἐπιούσταςιν*. Иногда оно означает все, что требует нашей заботы. Всякий серьезно заботящийся о Церкви Божией последователен в своих действиях и несет на плечах великую ношу. Таков портрет идеального служителя – обнимать своим попечением не одну лишь церковь, не десять, не тридцать, но все сразу: одних уча, других утверждая, иных увещевая, иным советуя, иным исцеляя. Кроме того, из слов Павла ясно: никто не может серьезно заботиться о церквах, не обременяясь многими трудностями. Ибо управление Церковью – не приятное занятие, в котором мы услаждаемся и развлекаемся, но трудная и тяжелая повинность (как уже было сказано). Причем, сатана изо всех сил старается смутить и ослабить нас в этом занятии.

29) *Кто изнемогает.* Сколь многие спокойно проходят мимо всех соблазнов и либо вовсе небрегут о немощи братьев, либо попирают их ногами. Но все это происходит оттого что они не заботятся о Церкви. Ведь забота действительно рождает *συμπάθειαν*, которая заставляет служителя Христова входить в положение всех, понимать чувства всех и ко всем себя приспособливать.

30. Если должно мне хвалиться, то буду хвалиться немощью моею. 31. Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословенный во веки, знает, что я не лгу. 32. В Дамаске областной правитель царя Ареты стерег город Дамаск, чтобы схватить меня; и я в корзине был спущен из окна по стене и избежал его рук.

(30. Если должно мне хвалиться, то буду хвалиться немощью моею. 31. Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословенный во веки, знает, что я не лгу. 32. В Дамаске областной правитель царя Ареты стерег город Дамаск, чтобы схватить меня; и я в корзине был спущен из окна по стене и избежал его рук.)

30) *Если должно.* Заключение предыдущей речи. Павел охотнее хвалится тем, что относится к его немощи. То есть тем, что, по мнению мира, скорее позорило его, нежели славил. Таковы голод, жажда, темница, побитие камнями, розги и тому подобное. Чего все мы стыдимся из-за большого поношения в глазах людей.

31) *Бог и Отец.* Поскольку Павел был отделен для выдающегося, но не достаточно известного служения, он клятвенно подтверждает все сказанное. Заметь, какова форма благочестивой клятвы: когда мы, желая утвердить истину, почтительно призываем в свидетели Бога. Далее, это гонение было как бы первым испытанием Павла. Как явствует и из рассказа Луки. Если же, будучи новичком, Павел прошел через столькие испытания, то что следует сказать о нем как о ветеране? Но поскольку в бегстве не заметно никакого благородства, можно спросить: зачем Павел о нем упоминает? Отвечаю: закрытые ворота царского города служили доказательством, с какой яростью, причем далеко не новой, свирепствовали против него нечестивые. Ведь если бы Павел не сражался за Христа с новой и необычной силой, нечестивые никогда бы так на него не ополчились. Его редкое постоянство прежде всего явствует из того, что после столь жестокого гонения он не перестал продвигать дело Господне, вызывая гнев всего мира. Хотя, возможно, Павел высмеивает мнительность тех, кто, испытав в прошлом только одобрения, благоволения, почтительные приветствия и гостеприимство, хотели считаться чем-то выдающимся. Он же, напротив, говорит, что был в темнице, дабы горестным и позорным бегством обрести для себя спасение. Некоторые спрашивают: перелезть через стены было преступлением, караемым смертью. Имел ли Павел на это разрешение? Отвечаю: во-первых, не ясно, такое ли наказание полагалось за это на востоке. Затем, если и полагалось, Павел ни в чем не погрешил. Ведь он вел себя не враждебно и не насмешливо, но как диктовала ему необходимость. Ибо закон не карает человека, который, перелезая через стену, спасает себя от пожара. И чем отличается пожар от жестокости разбойников? В законах всегда надо усматривать то, что разумно и справедливо. Так что данное соображение полностью оправдывает Павла.

Глава 12

1. Не полезно хвалиться мне, ибо я приду к видениям и откровениям Господним. 2. Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. 3. И знаю о таком человеке (только не знаю – в теле, или вне тела: Бог знает), 4. что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать. 5. Таким человеком могу хвалиться; собою же не похваюсь, разве только немощами моими.

(1. Не полезно хвалиться мне, ибо я приду к видениям и откровениям Господним. 2. Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает), человека, который восхищен был до третьего неба. 3. И знаю о таком человеке (только не знаю – в теле, или вне тела: Бог знает), 4. что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать. 5. Таким человеком могу хвалиться; собою же не похваюсь, разве только немощами моими.)

1) *Не полезно мне хвалиться.* Павел словно останавливается на середине пути, не желая идти дальше. Таким образом, он лучше всего обуздывает бесстыдство своих противников. Он говорит, что по собственной воле не хотел вступать с ними в подобное сражение. Сколь стыдливо Павел выпрашивал себе похвалу, достойную такого мужа, как он! Что касается второго, Павел учит своим примером: чем большей благодатью каждый из нас выделяется, тем меньше он должен думать о собственном превосходстве. Ибо это весьма опасная мысль. Такой человек словно заблудился в лабиринте. Тонко подмечая свои дарования, он ничего не знает о самом себе. И Павел старается, чтобы с ним не произошло того же. Благодать Божию следует признавать, а затем правильно использовать. Но черпать из нее повод для похвалы – не лишено большой опасности.

Приду к видениям. Апостол как бы говорит: Чтобы не ползать, я вынужден воспарить к небесам. Так что боюсь, как бы возвышенность даров не заставила меня забыть о себе. Действительно, если бы Павел похвалился из самомнения, он с самой вершины низринулся бы в бездну. Ведь одно только смирение утверждает нашу славу перед Богом. Между *видениями* и *откровениями* имеется та разница, что откровения часто происходят во время сна или же, когда слышна речь, но ничего не явлено взору. А видение почти никогда не дается без откровения: Господь обязательно являет в нем то, что Ему угодно.

2) *Знаю человека во Христе.* Поскольку Павел хотел соблюсти меру, он выбрал только один пример. Он повествует о нем так, что показывает нежелание себя рекламировать. Почему он говорит от чужого, а не от своего лица? Смысл таков: я хотел бы промолчать, хотел бы оставить это при себе, но мне этого не позволяют. Итак, я расскажу про это, но невнятно и невразумительно, дабы стало ясно, что я к этому вынужден. Фразу «во Христе» некоторые считают вставленной ради большей убедительности. Я же отношу ее скорее к чувству. Павел хочет сказать, что думает не о самом себе, но взирает только на Христа. Говоря же, что не знает, в теле ли, или вне тела произошло это событие, он лучше выражает величие откровения. Павел имеет в виду, что Бог поступил с ним выше его собственного разумения. И это не должно казаться невероятным. Ведь Бог порой являет нам Себя способом, сокрытым от нашего разума. И это ничуть не противоречит убежденности веры, которая основывается на осознании обращения к нам Бога. Скорее из этого мы научаемся искать лишь того знания, которое нам необходимо, а остальное оставлять Ему. Итак, Павел говорит, что не знает, в теле ли и в душе он вознесся на небеса, или восхищен был одной душою.

Назад тому четырнадцать лет. Некоторые спрашивают и об этом месте, но не наше дело удовлетворять их любопытство. Господь вначале явил Себя Павлу в видении, когда обратил его от иудаизма к Евангелию. Но тогда Он еще не допустил его до подобных тайн. В первых начатках веры Павла должен был наставить Анания. Итак, это видение было лишь подготовкой и сделало Павла лишь пригодным к научению. Возможно, здесь апостол говорит о видении, упоминаемом у Луки (Деян.22:17). Но нам нет нужды копаться в подобных предположениях. Ведь мы видим, что сам Павел молчал четырнадцать лет. И молчал бы и дальше, если бы его не вынудила настойчивость противников.

До третьего неба. Небеса апостол различает здесь не по обычаю философов, которые каждое небо приписывали определенной планете. Число три означает наивысшее и совершеннейшее *κατ' ἑξοχήν*. Больше того, само по себе небо означает блаженное и славное царство Божие, превышающее все сферы, небесную твердь и все мирское устройство. Но, не довольствуясь простым названием, Павел добавляет: он взошел на самую вершину, в самые потаенные места. Ведь наша вера восходит на самое небо. Те же, кто выделяется знанием, поднимаются выше и дальше остальных. Однако на третье небо проникнуть дано немногим.

4) *В рай.* Поскольку садом Божиим в Писании зовется приятнейшее и блаженнейшее царство, у греков возникла привычка означать словом «рай» небесную славу. Причем еще до пришествия Христа, как явствует из книги Сираха (40:17,28). В этом смысле надо понимать приведенный у Луки ответ Христа разбойнику: Сегодня будешь со Мной в раю. То есть, будешь наслаждаться присутствием Божиим, живя жизнью блаженных.

Слышал неизреченные слова. Под словами я понимаю не сами вещи, как порою они означаются в еврейском языке. Ведь тогда бы не подошло слово «слышал». Теперь спрашивается: какие же это слова? Ответ краток: они не без причины названы неизреченными, теми, которые непозволительно произносить. Однако кто-то возразит: значит, напрасно и бесполезно было Павлу их слушать. Зачем он слушал то, о чем всегда надо умалчивать? Отвечаю: это сделано ради самого Павла. Ведь того, кого ожидали столь суровые трудности, способные сломить даже сильнейших, надлежало укрепить особым образом. Дабы он не уступил, но остался несломленным. Подумаем о том, скольких противников имело его учение, и каких сильных; затем: сколько козней против него строилось. Тогда мы не станем удивляться, почему он услышал больше, чем позволено говорить. Отсюда мы выводим полезнейшее учение о том, как использовать знание. По природе мы склонны к любопытству. Посему, отставив или небрежно вкусив учение, способное назидать, мы обращаемся к глупым вопрошаниям. К этому добавляются дерзость и превозношение. Мы без сомнения позволяем себе судить о неясных и тайных вещах. Из этих двух источников возникла большая часть схоластического богословия, и все, что посмел выдумать этот болтун Дионисий о небесной иерархии. Тем более трезвыми надлежит нам быть и желать знать лишь то, что Господь восхотел открыть для Своей Церкви. Пусть это и будет пределом нашего знания.

5) *Таким человеком.* Апостол как бы говорит: у меня веский повод для похвалы, но я не буду им пользоваться. Ведь моему намерению больше соответствует хвалиться своими немощами. Если же эти злые люди будут и дальше меня измождать, вынуждая хвалиться более, чем хочу, то пусть знают, что имеют дело с человеком, которого Бог превознес и оснастил средствами опровержения их глупостей.

6. *Впрочем, если захочу хвалиться, не буду неразумен, потому что скажу истину; но я удерживаюсь, чтобы кто не подумал о мне более, нежели сколько во мне видит или слышит от меня.* 7. *И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился.* 8. *Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня.* 9. *Но Господь сказал мне: «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи».* *И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова.* 10. *Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силен.*

(6. *Впрочем, если захочу хвалиться, не буду неразумен, потому что скажу истину; но я удерживаюсь, чтобы кто не подумал о мне более, нежели сколько во мне видит или слышит от меня.* 7. *И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, вестник сатаны, давать мне пощечины, чтобы я не превозносился.* 8. *Трижды молил я Господа о том, чтобы тот отошел от меня.* 9. *И сказал мне: «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи».* *И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова.* 10. *Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силен.)*

б) *Впрочем, если захочу.* Дабы сказанное им о нежелании хвалиться не обратили в клевету, а злостивые не сказали: не хочешь, потому что не можешь, – Павел упреждает их возражение. Могу, – говорит он, – и могу по праву. И меня не обвинили бы в пустословии, мне есть чем хвалиться. Но я промолчу. Неразумие Павел понимает здесь иначе, чем прежде. Ведь и те, кто хвалятся истинно, глуп и неразумен, если в них заметно какое-то превозношение и чванливость. Однако глупость еще более безобразна и нетерпима, если кто-то хвалится без дела, то есть – ложно выдает себя за того, кем не является. Ведь в таком случае к легкомыслию добавляется еще и бесстыдство. Однако апостол считает за данное, что хвалится он не только истинно, но и смиренно. Эразм перевел эту фразу – «щажу вас», но мне больше нравится мой вариант – «удерживаюсь».

Чтобы кто. Павел приводит причину: он довольствуется той ролью, которую ему предназначил Бог. Он как бы говорит: Внешний вид и стиль речи не свидетельствуют о моем величии. Не отрицаю, что выгляжу я весьма незначительно. Здесь мы видим, сколь велика была скромность этого человека. Он не шарахался незначительности, которую выдавали его облик и речь. Хотя и был наделен столькими вдающимися дарами. Вполне уместно будет истолковать и так, что Павел, довольствуясь самой сутью, не стремился себя рекламировать. Этим он косвенно попрекает лжеапостолов, приписывавших себе то, чего не было на самом деле. Хотя я, как уже говорил, больше придерживаюсь первого толкования.

7) *И чтобы я не превозносился.* Вторая причина, почему Бог, желая сдержать в нем всякое превозношение, укрощал его плетью. Эту плеть апостол называет *жалом*, заимствуя метафору от быков. Слово «плоть» на греческом стоит в дательном падеже. Посему Эразм перевел «через плоть», но я предпочитаю понимать так: уколы этого жала происходили в его плоти. Теперь спрашивается: каким было это жало? Смешны те, кто думает, будто Павел искушался похотью. Посему их измышление следует отвернуть. Другие думали, что он мучался от частых головных болей. Златоусту нравится относить это к Гименею, Александру и другим. Эти люди по наущению дьявола причиняли Павлу множество тягот. Я же думаю, что этим словом означает всякий вид искушения, мучивший Павла. Ведь *плоть* означает здесь не тело, но еще не возрожденную часть души. Смысл таков: мне дано жало, колющее мою плоть. Ведь я еще не настолько духовен, чтобы не подвергаться искушениям плоти. Вестником сатаны Павел зовет это жало потому, что сатана посылает нам все искушения. И как только они возникают, то свидетельствуют о его присутствии. Посему нам надлежит бодрствовать супротив всякого рода искушения и своевременно вооружиться для отражения всех нападков дьявола.

Весьма полезно, что эта мысль пришла Павлу в голову. Ведь она не дала ему торжествовать как беспечному человеку. Тот, кто окружен опасностями и боится врага, не поет о своей победе. Господь, – говорит Павел, – наилучшим средством обуздал мое превозношение. Ведь, бодрствуя и остерегаясь проделок сатаны, я удаляюсь от его гордыни.

Хотя Бог не только исцелял его таким способом, но и смирял. Апостол добавляет: «дающий мне пощечины». Этим выражением он вежливо означает, как его привели в порядок. Ибо получать пощечины – чудовищное оскорбление. Посему, получивший ее, от стыда не смеет показаться на людях. Так и мы, какой бы немощью ни страдали, будем помнить: Господь как бы дает нам пощечины, устыжая нас, дабы мы научились смирению. Пусть об этом особенно размыслят те, кто выделяется великими добродетелями. Если у них остаются какие пороки, если испытывают какую ненависть, если слышат какие проклятия, – это не только розги небесного Учителя, но и пощечины, внушающие стыд и смиряющие гордыню. Пусть все благочестивые обратят внимание, сколь много яда содержит гордыня (как говорит Августин в третьей проповеди о словах апостола), яда, устранимого только другим ядом. Действительно, гордыня – причина гибели человека, и тяжкий порок, с которым нам предстоит сражаться. Ведь другие пороки сопровождаются дурным поведением, а этот связан даже с лучшими делами. Кроме того, он столь упорно прилипает к нашей природе, что почти укореняется в ней, и вырывается лишь с огромным трудом.

Подумаем также о том, кто именно здесь ведет речь. Ведь Павел победил столько опасностей, мучения и другие злключения. Восторжествовал над всеми врагами Христовыми, изгнал страх перед смертью, отрекся от мира. Но только гордыню не покорил он полностью. Больше того, ему предстояло столь жаркое сражение, что победить он мог только получая пощечины. Наученные этим примером и мы будем так вести войну со своими пороками, чтобы приложить особые усилия для победы над гордыней. Но что это значит: сатана, человекоубийца от начала, для Павла был как бы врачом? И не только исцеляющим тело, но и (что гораздо важнее) душу? Отвечаю: сатана по своему характеру умышляет одну только погибель. И жало, упомянутое Павлом, было обмазано смертельным ядом. Но особое благодаяние Божие в том и состоит, что смертельное по природе Он обращает нам во врачество.

8) *Трижды молил я Господа.* «Трижды» здесь означает частое повторение. Апостол хочет сказать, сколь тяжким было мучение, из-за которого он молил Бога. Ведь если бы оно было легким и терпимым, то он не столь пламенно желал бы освобождения. Однако Павел говорит, что не достиг желаемого. Отсюда явствует, сколь необходимым было для него смирение. Он подтверждает сказанное ранее: эта узда удерживала его от превозношения. Ведь, если бы избавление было полезным, Павел не получил бы отказа. Но отсюда, кажется, следует, что Павел молился не с верою. Без нее все обетования Божии становятся бездейственными. Мы часто читаем в Писании, что получим все, если попросим у Бога с верою. Павел же молится и не получает просимого. Отвечаю: как различно основание для прошения, так и само прошение бывает двоякого сорта. Мы просим просто о том, о чем имеем четкое обетование. Например: о наступлении царства Божия, об освящении Его имени, о прощении грехов, и обо всем для нас спасительном. Однако, думая, что царству Божию может, или должно, способствовать то или иное, что то или иное необходимо для освящения имени Божия, мы часто ошибаемся в своем мнении. Так же мы часто заблуждаемся в отношении того, что относится к нашему спасению. Итак, первое мы просим с надежностью, без какого-либо сомнения. Но предписывать способ исполнения молитв – не наше дело. Если же мы просим и об этом способе, всегда присутствует скрытое условие. И Павел был не настолько невежествен, чтобы этого не знать. Посему, относительно цели

прошений он несомненно был услышан, даже если испытал подобный отказ. Из этого мы учимся: не следует отчаиваться, словно зря потратили время, если Бог не исполняет наши желания. Нам должна быть достаточна Его благодать, то, что Он не покидает нас полностью. Вот причина, почему Бог порою по милости отказывает верным в том, чем в гневе Своем одаривает нечестивых. Ведь Он предвидит, что нам полезно, лучше, чем это постигает наш разум.

9) *Сказал мне.* Не ясно, был ли ответ выражен в виде прямой божественной речи. Но это не слишком важно. Ведь Бог отвечает нам тогда, когда Духом Своим укрепляет нас изнутри и поддерживает утешением, дабы мы не отпали от терпения и надежды. Он велит Павлу быть довольным Своей благодатью и не отказываться порою получать бичевания. Итак, надо терпеть любое сколь угодно длительное зло. Ведь Бог обращается с нами милостиво, когда поддерживает Своей благодатью. Слово «благодать» означает здесь не благоволение Божие, но, метонимически, помощь Святого Духа, происходящую от незаслуженной божественной милости. Благодати этой верным должно быть достаточно, ибо она – твердая несокрушимая опора, не позволяющая им упасть.

Ибо сила Моя. Кажется, что наша немощь препятствует Богу являть в нас Свою силу. Но Павел не только это отрицает, но и, напротив, утверждает, что сила Божия усвершается лишь тогда, когда явствует наша немощь. Чтобы лучше это понять, следует различать между Божией силой и силой нашей. Ведь ударение ставится на слове «Моя». Сила Моя, – говорит Господь, – (то есть, помогающая нищете человека, воздвигающая падших и укрепляющая слабых), совершается в человеческой немощи. То есть, черпает повод из проявления человеческой немощи. И не только это, но и больше через нее узнается. Ведь слово «совершаться» относится к человеческому познанию. Сила не совершается, если не блистает открыто, вызывая себе хвалу. Люди даже не вкусят эту силу, если прежде не убедятся в собственной нужде. Они тут же забудут, на что способна эта сила, если не станут постоянно упражняться ощущением своей немощи.

Гораздо охотнее. Это предложение подтверждает предыдущее толкование. *Охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова.* Итак, стыдящийся такой славы, закрывает дверь перед Христовой силой и неким образом отталкивает ее. Ведь мы тогда уступаем благодати Христовой, когда с истинной душевной покорностью признаем и исповедуем нашу немощь. Низины орошаются дождем для плодородия, но вершины самых высоких гор остаются сухими. Итак, пусть станет низиной тот, кто хочет принять небесный дождь божественной благодати. Апостол добавляет: «охотнее», дабы показать: он столь пламенно желает благодати Христовой, что ради нее готов претерпеть все. Мы видим множество людей, уступающих Богу, боящихся святотатства и не покушающихся на Его славу. Но они поступают так по припадению или, по крайней мере, не так охотно, как должны были бы поступать.

10) *Посему я благодушествую.* Нет сомнения, что апостол употребляет слово «немощь» в ином смысле. Ведь прежде он называл так уколы, ощущаемые в своей плоти. Теперь же Павел имеет в виду внешние обстоятельства, навлекающие на него презрение мира. Сказав в общем о всякого рода немощи, он возвращается к тому ее виду, из-за которого и завел речь. Итак, отметим: слово «немощь» является общим. Под ним скрывается как слабость нашей природы, так и все доказательства нашего ничтожества. Таким образом, речь идет о внешней ничтожности Павла. Он пошел дальше, чтобы показать: Бог смиряет его любыми способами, дабы в пороках его больше воссияла божественная слава. А величие человека неким образом скрывает и затуманивает ее. Теперь же апостол снова возвращается к своим добродетелям, которые скорее вызывали презрение у людей, нежели приносили почет и славу.

Когда я немощен. То есть, чем больше мне недостает, тем щедрее Господь восполняет угодное Ему Собственной силой. Ведь философская стойкость не что иное, как гордыня, или, скорее, пустая напыщенность, проявляющаяся в сумасшедших. Тот, кто хочет быть истинно сильным, пусть не отказывается от своей немощи. Пусть будет немощен в себе, дабы усилиться в Господе. Если кто-то возразит: Павел говорит здесь не о недостатке сил, а о бедности и прочих тяготах жизни, – отвечу: все эти невзгоды открывают нам нашу слабость. Если бы Бог не воспитывал Павла такими упражнениями, он никогда бы не понял столь отчетливо собственную немощь. Итак, Павел имеет в виду не только бедность и другие несчастья, но и то, что из них следует: признание собственной немощи, отчаяние в самих себе и смирение.

11. Я дошел до неразумия, хвалясь; вы меня к сему принудили. Вам бы надлежало хвалить меня, ибо у меня ни в чем нет недостатка против высших Апостолов, хотя я и ничто. 12. Признаки Апостола оказались перед вами всяким терпением, знаменами, чудесами и силами. 13. Ибо чего у вас недостает перед прочими церквами, разве только того, что сам я не был вам в тягость? Простите мне такую вину. 14. Вот, в третий раз я готов идти к вам, и не буду отягощать вас, ибо я иду не вашего, а вас. Не дети должны собирать имение для родителей, но родители для детей. 15. Я охотно буду издерживать свое и истощать себя за души ваши, несмотря на то, что, чрезвычайно любя вас, я менее любим вами.

(11. Я сделался неразумным, хвалясь; вы меня принудили. Вам бы надлежало хвалить меня, ибо у меня ни в чем нет недостатка против высших Апостолов, хотя я и ничто. 12. Признаки Апостола совершились перед вами во всяком терпении, знаменях, чудесах и силах. 13. Ибо чего у вас недостает перед прочими церквами, разве только того, что сам я не был вам в тягость? Простите мне такую вину. 14. Вот, в третий раз

я готов идти к вам, и не буду тяготить вас, ибо я ищу не вашего, а вас. Не дети должны собирать имение для родителей, но родители для детей. 15. Я охотнейшим образом буду издерживать свое и истощаться за души ваши, несмотря на то, что, чрезвычайно любя вас, менее любим вами.)

11) *Дошел до неразумия.* До этого Павел приводил разные извинения в свое оправдание. Он извинялся за то, что, вопреки своему обыкновению и намерению, вопреки достоинству апостольского служения, воспевал себе хвалу. Теперь же он прибегает к попрекам, переносит вину на коринфян. Ведь они не исполняли своего долга. Когда лжеапостолы поносили Павла, они должны были усиленно им противостоять и добросовестно засвидетельствовать о его добродетелях. Итак, Павел своевременно ругает коринфян, дабы защиту, на которую вынужден был пойти из-за их неблагодарности, злоумышляющие на него люди не истолковали дурно.

У меня ни в чем. Мы неблагодарны Богу, если терпим, когда нечестивые поносят и порицают Его дары. И Павел винит в этом коринфян. Они узнали, что он равен высшим апостолам. И однако же стали слушать поносящих его клеветников. Под верховными апостолами некоторые понимают его противников, присваивающих себе эту честь. Я же понимаю тех, кто был первыми среди двенадцати учеников. Павел как бы говорит: пусть меня сравнивают с любым апостолом, я не боюсь оказаться меньшим. Павлу, как и всем апостолам, подобало ставить впереди себя других. Но он сражался с той ложью, которая была вокруг их имен. Ибо лжеапостолы злоупотребляли сим предлогом. Они якобы были из числа двенадцати, придерживались их учения, знали все их установления, и тому подобное. Итак, Павел, видя, как ложно они превозносятся этой показухой, как сильно действует она на неопытных, с необходимостью должен был прибегнуть к своему сравнению. Поправка *хотя я и ничто* показывает, что Павел не присваивает себе нечто, но хвалится лишь Господом. Хотя, возможно, это вид уступки, которая говорит, что о нем думали злые и клеветники.

12) *Признаки Апостола.* Под признаками апостола Павел понимает печати, подтверждающие достоверность его апостольства. Или же доводы и доказательства в его пользу. Он как бы говорит: Бог подтвердил среди вас Мое апостольство, и я не нуждаюсь в одобрении прочих. Первым признаком апостол зовет терпение. Или потому, что, благородно снося все нападки сатаны и врагов и никогда им не уступая, он оказался несломленным. Или же потому, что, забыв о своем превосходстве, Павел спокойно перенес все несправедливости, снес бесчисленные оскорбления, и терпением своим победил все бесчинства. Ведь столь героическая добродетель – словно небесная печать, коей Господь отмечает Своих апостолов. Второе место апостол отводит чудесам. Ведь, называя чудеса, знамения и силы тремя именами, он означает одну и ту же вещь. Знамения зовутся так потому, что не являются пустым зрелищем. Они предназначены для обучения людей. Чудеса названы потому, что должны пробуждать людей своей новизной и необычностью. А силы – потому, что они – более заметные знаки божественного могущества, чем мы обычно наблюдаем в природе. Кроме того, мы знаем: особо важны были чудеса в начальные времена Евангелия, дабы учение его обрело больший авторитет. Итак, чем большими чудотворением был кто наделен, тем больше подтверждалось его служение. Как сказано в 15 гл. Послания к Римлянам.

13) *Ибо чего у вас.* Усиление их неблагодарности. Ведь Павел блистал ради их блага. Именно они получили плоды его апостольства. И, однако, согласились с наветами лжеучеников. Оговорка, добавленная Павлом, звучит иронически. Он не был им в тягость. Воистину вершиной его благодеяний было безвозмездное им служение. И презирать его после этого – что это, как не оскорбление скромности? И сколько в этом бесчеловечности. Так что Павел заслуженно попрекает столь нездоровую гордыню. *Простите мне такую вину.* Коринфяне были дважды неблагодарны. Они не только презирали Павла и забывали его благодеяния, но и само его благодеяние обращали в повод для ругани. Златоуст думает, что здесь нет никакой иронии, а, скорее, присутствует извинение. Если же кто внимательно исследует контекст, то легко поймет, что мысль апостола была иной.

14) *Вот, в третий раз.* Апостол хвалит свой поступок, за который его так невзлюбили коринфяне. Он говорит, что два раза воздерживался от их отягощения. Ибо искал их самих, а не их собственности. Кроме того, он хочет играть для них роль отца. Отсюда явствует, какой хвалы заслуживала его скромность. Но именно из-за нее презирали его коринфяне.

Ищу не вашего. Обязанность истинного пастыря искать овец не для собственной выгоды, а для их спасения. Хотя отметим: людей не надо искать с той целью, чтобы каждый возымел собственных учеников. Плохо быть приверженным алчности и исполнять обязанность пастыря ради прибытка, но много хуже вербовать себе учеников ради самомнения. И Павел понимает, что не искал награды, но заботился только о спасении душ. Но смысл его слов немного хитрее: Я ищу большей награды, чем вы думаете, но буду довольствоваться вашим имуществом. Я ищу именно вас, дабы от плодов служения моего принести Господу жертву.

Что же, если кто-то кормится от своего труда? Действительно, если пастырь верен, он всегда будет стремиться к спасению овец и ни к чему иному. Награда будет в качестве добавки, но цель, как я сказал, надо преследовать только эту. И горе ищущим чего-то другого!

Родители детям. Значит, Павел не был отцом для филиппийцев, содержавших его даже в его отсутствие? Значит, остальные апостолы также не были отцами, потому что церкви давали им пропитание? Павел не хочет этого сказать. Ведь не ново, что и дети кормят родителей в их старости. Итак, те, кто живет на содер-

жании церквей, вполне достойны зваться отцами. Но Павел из общего закона природы хотел показать: действия его происходят из отеческой любви. Посему не следует делать обратный вывод. Он поступал как отец, но и, действуя иначе, не перестал бы им быть.

15) *Я охотно буду издерживаться.* Это больше свидетельствует о благочестии, чем об отеческой любви. Не только свой труд, но и свое имущество, и даже жизнь Павел был готов направить на служение коринфянам. Его любили прохладно, но он продолжает любить пылко. Как такой пламенной любви, соединенной с подобным постоянством, не сломить ожесточенного и каменного сердца! Впрочем, Павел говорит не только для того, чтобы мы удивлялись, но и чтобы подражали ему. Посему пусть все пастыри научатся отсюда, что надо делать для своих церквей.

16. Положим, что сам я не обременил вас, но, будучи хитр, лукавством брал с вас. 17. Но пользовался ли я чем от вас через кого-нибудь из тех, кого посылал к вам? 18. Я упросил Тита и послал с ним одного из братьев: Тит воспользовался ли чем от вас? Не в одном ли духе мы действовали? Не одним ли путем ходили? 19. Не думаете ли еще, что мы только оправдываемся перед вами? Мы говорим пред Богом, во Христе, и все это, возлюбленные, к вашему назиданию. 20. Ибо я опасуюсь, чтобы мне, по пришествии моем, не найти вас такими, какими не желаю, также чтобы и вам не найти меня таким, каким не желаете: чтобы не найти у вас раздоров, зависти, гнева, ссор, клевет, ябед, гордости, беспорядков, 21. чтобы опять, когда приду, не уничтожил меня у вас Бог мой и чтобы не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покались в нечистоте, блудодеянии и непотребстве, какое делали.

(16. Положим, что сам я не обременил вас, но, будучи хитр, взял вас лукавством. 17. Но обирал ли я вас через кого-нибудь из тех, кого посылал к вам? 18. Я упросил Тита и послал с ним одного из братьев: Тит вытребова ли что от вас? Не в одном ли духе мы действовали? Не одним ли путем ходили? 19. Не думаете ли еще, что мы только оправдываемся перед вами? Мы говорим пред Богом, во Христе, и все это, возлюбленные, к вашему назиданию. 20. Ибо я опасуюсь, чтобы мне, по пришествии моем, не найти вас такими, какими не желаю, также чтобы и вам не найти меня таким, каким не желаете: чтобы не было у вас раздоров, зависти, гнева, ссор, клевет, ябед, слухов, беспорядков, 21. чтобы опять, когда приду, не уничтожил меня у вас Бог мой и чтобы не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покались в нечистоте, блудодеянии и непотребстве, какое делали.)

16) *Положим.* Павел хочет сказать следующее. Злые люди винили его: через посыльных он истребовал то, что отказывался взять сам. Но он не сделал ничего подобного, и эти люди (как говорится) мерили других по себе. Ведь нечестивым вполне свойственно обвинять слуг Божиих в том, что делают они сами. Итак, дабы отвергнуть состряпанное против него обвинение, Павел вынужден защитить от обвинений также посланных им людей. Ведь если бы они согрешили, это стали бы вменять ему. Кто не удивится тому, что человек, столь осторожный в прощении милостыни, тяготился столь неправедными обвинениями! Кроме того, его личность должна служить нам примером. Нам не должно казаться новым и нетерпимым, если и на нас повесят подобную клевету. Прежде всего, пусть это научит нас быть осторожными и не давать повода для клеветы. Мы видим, что не достаточно оправдывать самих себя. Надо отвести подозрения и от тех, чьими трудами мы пользуемся. Посему выбирать таких людей следует старательно, неспешно и после тщательной проверки.

19) *Не думаете ли еще.* Поскольку сознающие за собой зло обычно яростно оправдываются перед другими, вероятно Павла винили в том, что в предыдущем послании он слишком основательно защищал свое служение. Кроме того, для слуг Христовых порочно чрезмерно заботиться об оценке со стороны других. Чтобы отвергнуть эти два случая клеветы, Павел свидетельствует: он говорит словно перед Богом. А Бога нечистая совесть боится всегда. Во-вторых, он утверждает, что поступает так не ради себя, а ради коринфян. Он был готов и к доброй и к худой молве, был готов на уничтожения. Но коринфянам было полезнее ценить его по достоинству, дабы не обесценивалось его апостольство.

20) *Я опасуюсь.* Павел говорит, что отстаивает свою честность постольку, поскольку это полезно для их назидания. Ведь из-за того, что он подвергся презрению, многие, как бы сбросив узду, стали резвиться и бесчинствовать. Почтение же к нему стало бы для них поводом для вразумления. Ведь тогда они прислушались бы к его увещаниям. «Боюсь», – говорит Павел. Этот страх проистекает из любви. Если бы ему было безразлично их спасение, он легко пренебрег бы тем, что не принесло ему никакой личной пользы. Ведь обиды боятся именно потому, что предвидят ее будущий вред.

Вам не найти. Второй его страх состоял в том, что его вынудят поступать жестче, чем он хочет. А это знак не только любви, но и милости: избегать суровость и применять более мягкие средства. Апостол как бы говорит: сейчас я стараюсь утвердить свой авторитет, чтобы привести вас к послушанию. Я делаю это, чтобы, когда приду и не найду в вас исправления, не попрекнуть вас жестче. Итак, своим примером Павел учит: пастыри всегда должны искать мягкие средства исправления пороков, прежде чем прибегать к жесткости. Следует стремиться избегать крайних мер при помощи увещаний и вразумлений.

Чтобы не найти у вас раздоров. Павел перечисляет пороки, особо отличавшие коринфян. Почти все они проистекают из одного источника. Если бы каждый не был привержен самому себе, они никогда бы не вое-

вали друг с другом, никогда бы не завидовали друг другу, никогда бы не клеветали. Итак, источник всего этого перечня – недостаток любви. Среди коринфян царили *φλαυτία* и самомнение.

21) *Чтобы опять*. Смирение Павла считали пороком. Он обращает это обвинение на самих коринфян. Они должны были почитать его апостольство, но, вместо этого, поносили его. Слава апостольства Павла была бы им полезна. Но, поскольку коринфяне предавались многим порокам, они, сколько могли, подвергали его позору. В этом преступлении Павел винит не всех, но лишь немногих. Тех, кто надменно презрел все его увещания. Смысл таков: они презирают меня, потому что я кажусь незначительным. Итак, чтобы не давать мне повод для большего унижения, пусть они, отложив буйство, устыдятся и, смутившись от своих бесчинств, смирятся сами, а не смотрят свысока на прочих. Между тем, Павел, говоря, что оплакивал чужие грехи, рассказывает, какими должны быть чувства истинного пастыря. Действительно, так и следует поступать. Каждый пастырь должен носить в сердце собственную церковь, считать ее болезнью за свои, сострадать ее бедам и оплакивать ее грехи. Мы видим, как Иеремия просит дать себе реки слез (9:1), дабы оплакивать бедствия своего народа. Мы видим, как благочестивые цари и пророки, коим было поручено управление народом, испытывали подобные же чувства. Всем благочестивым обще одно: они страдают всякий раз, когда оскорбляют Бога, они оплакивают гибель братьев, они берут на себя их вину перед Богом. Но особенно это требуется от пастырей. Здесь Павел приводит второй перечень пороков. Но и его можно свести к одному, а именно: к бесстыдству.

Глава 13

1. В третий уже раз иду к вам. При устах двух или трех свидетелей будет твердо всякое слово. 2. Я предварил и предворяю, как бы находясь у вас во второй раз, и теперь, отсутствуя, пишу прежде согрешившим и всем прочим, что, когда опять приду, не пощажу. 3. Вы ищете доказательства на то, Христос ли говорит во мне: Он не бессилен для вас, но силен в вас. 4. Ибо хотя Он и распят в немощи, но жив силою Божиею; и мы также, хотя немощны в Нем, но будем живы с Ним силою Божиею в вас.

(1. Это будет уже третий приход мой к вам. При устах двух или трех свидетелей будет твердо всякое слово. 2. Я говорил и говорю, как бы находясь у вас во второй раз, и теперь, отсутствуя, пишу прежде согрешившим и всем прочим, что, когда опять приду, не пощажу. 3. Вы ищете доказательства на то, Христос ли говорит во мне: Который не бессилен для вас, но силен в вас. 4. Ибо хотя Он и распят в немощи, но жив силою Божиею; и мы также, хотя немощны в Нем, но живем с Ним силою Божиею ради вас.)

1) *В третий уже раз*. Апостол продолжает обличать упорство тех, о ком уже говорил. Из них одни не принимали его попреков, живя распутно и бесчинно, другие делали то же, сея раздоры и смуты. Его речь не относится к самому телу Церкви, но к некоторым больным, подгнившим членам. Теперь Павел говорит жестче. Ведь он имеет дело с отдельными людьми, а не со всем народом. Кроме того, он обращается к тем, о ком знал: человеческое и мягкое к ним отношение их не исправит. Проведя у них полтора года, он затем посетил их вторично. Теперь в третий раз он обещает к ним придти, и говорит, что эти три посещения будут подобны трем свидетелям их непокорности. Павел цитирует закон об авторитете свидетелей, но не в подлинном или (как говорят) буквальном смысле. Он делает это через аналогию и уподобление, приспособивая к своей цели. Закон гласит: для завершения спора надо положиться на двух или трех свидетелей. Ведь утвердить слово означает объявить приговор, полагающий распрю конец. Я, – говорит Павел, – один, но, придя в третий раз, буду иметь авторитет трех свидетелей. Или же, три моих посещения будут играть роль трех свидетельств. Ведь тройной труд ради их спасения, три раза подтвержденное постоянство действительно равносильно свидетельству трех людей.

2) *Предварял и предворяю*. Дружеские и добрые увещания не принесли плода. Посему апостол обращается к более жестким средствам. Он напоминает им свои угрозы во время предыдущего посещения. Видя, как решительно он действует, не будем сомневаться: эти люди были на удивление упорными и непослушными. Из писаний Павла явствует, сколь большой кротостью, сколь великим терпением он отличался. Прощать и выносить многое – свойство доброго отца, но не применять во время суровость и жесткость говорит о глупости и беспечности в деле спасения детей. Мы достаточно знаем из опыта, что нет ничего опаснее неразборчивого всепрощения. Посему будем мягкими, когда это можно, причем – в меру и с достоинством. Но будем и суровыми, когда этого потребует необходимость. Однако спрашивается: почему апостол позволяет себе открыто говорить о тайных грехах, как бы показывая на людей пальцем? Отвечаю: он никогда бы так не поступил, если бы грехи действительно были тайными. Но они были известны всем, подавая всем опасный пример. Посему апостол не должен щадить виновников общественного соблазна. Еще раз спросят: каким родом исправления он им угрожает? Ведь одними только словами Павел едва ли бы их вразумил. Не сомневаюсь, что он имеет в виду будущее отлучение. Ибо, что может быть страшнее для нераскаявшихся, чем оказаться отсеченными от тела Христова, изгнанными из царствия Божия, преданными сатане на погиль?

3) *Вы ищете доказательства*. Эти слова могут иметь двоякий смысл. Первый таков: вы хотите доказательства, говорю ли я сам от себя, или через меня говорит Христос. Так толкуют Златоуст и Амвросий. Однако мне больше нравится другой смысл. Павел свидетельствует: когда принимают его авторитет, речь идет не

столько о нем, сколько о Христе. И когда небрегут его увещанием, испытывают терпение Самого Христа. Апостол как бы говорит: говорящий через меня есть Христос. Итак, позволяя себе сомневаться в моем учении, вы причиняете несправедливость не мне, а Ему. Но кто-то возразит: что же, всякий, сказавший, что через него говорит Христос, тут же ставит свое учение вне подозрений? Какой лжепророк не претендовал на то же самое? Итак, как же различать между истиной и ложью? И как же быть с заповедью: испытывайте духов, от Бога ли они? Все подобные возражения Павел упреждает, говоря, что Христос был силен в коринфянах через его служение. Ведь фразы: «Христос ли говорит во мне», и «не бессилен для вас, но силен в вас» – надо читать в одном контексте. Смысл следующий: Христос, являя Свою силу в вас, засвидетельствовал, что говорит моими устами. Так что вы не можете извинить свое неведение. Мы видим, как апостол ссылается не на одни лишь слова, но делом доказывает, что через него вещает Христос. И прежде объясняет коринфянам, какую именно веру от них требует. Итак, всякий, говорящий в Церкви, за кого бы себя ни выдавал, не может запретить исследовать свое учение, пока в нем не явится сила Христова. Суд же будет не о Христе, а об этом человеке. Но когда очевидно, что изрекается именно Слово Божие, вполне применимы слова Павла: отказывать в вере проповеднику, значит отказывать в вере Богу. С тем же упованием говорил и Моисей: Что Я с Аароном? Не нас, но Бога вы искушаете. Так же и Исаия (7:13): Разве мало вам тяготить людей, хотите ли вы тяготить еще и Бога? Когда становится ясно, что говорящий – служитель Божий, добросовестно исполняющий свое служение, больше не остается поводов для оправданий. Но вернемся к Павлу. Поскольку Сам Господь явил силу, подтверждая коринфянам его учение, не удивительно, что Павел болезненно переносит сопротивление своим словам. По праву он винит коринфян в том, в чем винит. Ведь они восстали на Самого Христа.

4) *Ибо хотя Он и распят.* Апостол намеренно говорит об отвержении Христа. Он намекает на следующее: то, что в нем презирают, презирали и в Самом Христе, когда Тот подвергся унижению и распятию. Но одновременно Павел показывает, сколь абсурдно презирать во Христе крестное смирение, соединенное с несравненной славой воскресения. Он как бы говорит: разве вы потому меньше цените Христа, что в смерти Своей Он явил немощь? Словно небесная жизнь, коей Он живет после воскресения, не является образцом Его божественной силы? Плоть означает здесь человеческую природу Христа, а имя Божие – Его божество. Однако здесь возникает вопрос: неужели Христос был столь немощен, что против воли покорялся необходимости? Ведь, что мы терпим по необходимости, то терпим вынужденно, а не по собственной воле. Поскольку ариане некогда злоупотребляли этим доводом для опровержения божества Христа, православные отцы говорили, что все это произошло по дозволению. То есть, потому что Христос так хотел, а не потому что вынуждался необходимостью. Этот ответ правилен, если правильно его понимать. Но некоторые превратно относят дозволению к человеческой воле Христа, словно речь идет не о природном состоянии, а о дозволении помимо природы. Например, то, что Христос умер, произошло, по их словам, не потому, что человечество Его было подвержено смерти, а по особому дозволению. Он умер, поскольку желал умереть. Я согласен: Христос умер потому, что захотел. Но в чем выражается эта воля, если не в том, что Он облекся в смертную природу? Если же мы считаем человеческую природу Христа непохожей на нашу, низвергается основное положение нашей веры. Посему мы понимаем так: Христос пострадал по изволению, а не по принуждению. Будучи в образе Божиим, будучи в силах избежать сию необходимость, Он все же решил пострадать по немощи, унижив Самого Себя.

Немощны в Нем. Быть немощным во Христе означает стать причастником страданий Христовых. Апостол прославляет свою немощь тем, что в ней он уподобляется Христу. Его больше не ужасает поношение, общее с Сыном Божиим. Между тем, Павел говорит, что победит ради них по примеру Христову: Я также буду причастником жизни Христовой, когда умру по своей немощи. Жизнь Павел противопоставляет немощи. Посему под нею он разумеет процветающее и достойное состояние. Фразу «ради вас» можно также отнести к фразе «силою Божией», но разницы почти нет, и смысл остается таким же. Коринфяне, когда начнут судить правильно, будут почтительно и уважительно думать о силе Божией, явленной в Павле. И больше не будут презирать его внешнюю немощь.

5. *Испытывайте самих себя, в вере ли вы; самих себя исследывайте. Или вы не знаете самих себя, что Христос в вас? Разве только вы не то, чем должны быть.* 6. *О нас же надеемся, узнаете, что мы то, чем быть должны.* 7. *Молим Бога, чтобы вы не делали никакого зла, не для того, чтобы нам показаться, чем должно быть; но чтобы вы делали добро, хотя бы мы казались и не тем, чем должны быть.* 8. *Ибо мы не сильны против истины, но сильны за истину.* 9. *Мы радуемся, когда мы немощны, а вы сильны; о сем-то и молимся, о вашем совершенстве.*

(5. *Испытывайте самих себя, в вере ли вы; самих себя исследывайте. Или вы не знаете самих себя, что Христос в вас? Разве только вы не отвержены.* 6. *О нас же надеемся, узнаете, что мы не отвержены.* 7. *Молим Бога, чтобы вы не делали никакого зла, не для того, чтобы нам показаться принятыми; но чтобы вы делали добро, а мы как бы были отвержены.* 8. *Ибо мы не сильны против истины, но сильны за истину.* 9. *Мы радуемся, когда мы немощны, лишь бы вы были сильны; о сем-то и молимся, о вашем совершенстве.*)

5) *Испытывайте самих себя.* Апостол подтверждает сказанное выше. Сила Христова явствует в его служении. И он делает свидетелями самих коринфян, призывая их вспомнить, сколь много они от него получили.

Во-первых, поскольку Христос един, необходимо, чтобы в слуге и в народе обитал одинаковый Христос. Обитая же в народе, как Он отречется от Себя в лице слуги? Кроме того, Христос так являет Свою силу в проповеди Павла, что коринфяне могут не заметить этого лишь из-за великой глупости. Ибо откуда у них вера? Откуда Христос? Откуда все остальное? Итак, Павел справедливо призывает коринфян прийти в себя и вспомнить все, что они как бы по неведению отрицают. Истинное и обоснованное упование слуги: для подтверждения своего учения он взывает к совести тех, кого научил. Дабы, если в них осталось что-то от Христа и искреннего благочестия, они были вынуждены признать его добросовестность. Итак, мы видим, на что намекает апостол. Кроме того, это место достойно особого внимания по двум причинам. Во-первых, оно показывает отношение, имеющееся между верой народа и проповедью слуги. Вера – эта дочь, которая не должна забывать свое происхождение. Во-вторых, это место может доказать убежденность веры, которую сорбонские софисты расшатывают и даже полностью изгоняют из человеческих душ. Они осуждают в дерзости тех, кто уверен, что является членом Христова тела и имеет пребывающего в себе Христа. Они велят нам довольствоваться лишь моральным предположением, то есть, одним лишь мнением, дабы совесть постоянно пребывала в колебаниях и сомнениях. А что говорит здесь Павел? Он называет отверженными тех, кто сомневается в том, что имеет в себе Христа и принадлежит Его телу. Посему, давайте же считать правильной лишь ту веру, которая заставляет нас уверенно, без всякого сомнения и с твердой убежденностью успокаиваться в благодати Божией.

Разве только. Он предлагает коринфянам выбрать, хотят ли они оказаться отверженными, или воздать должное его служению. Павел не оставляет им другого выбора, кроме как признать его апостольство, или же согласиться со своим отвержением. Ведь их вера основана на его учении. У них есть лишь Тот Христос, Которого они приняли от Павла. И лишь то Евангелие, которое они получили из его рук. Так что напрасно коринфяне желают отделить хотя бы часть своего спасения от его похвалы.

6) *О нас же.* Апостол еще яростнее понуждает коринфян, заявляя об уповании, что они его не отвергнут. Необходимо одно из двух: или воздать Павлу апостольские почести, или осудить самих себя в неверии и признать, что у них нет никакой церкви. Он смягчает суровость, используя слово «надеюсь». Но при этом еще яснее учит коринфян их долгу. Ведь обманывать надежду кого-то на нашу справедливость – совершенно бесчеловечно. Надеюсь, – говорит апостол, – что вы это признаете. Признаете тогда, когда придете в себя. Павел разумно умалчивает о себе во второй части предложения, призывая коринфян вспомнить о дарованных им благословениях Божиих. Больше того, он ставит их спасение на место своего авторитета.

7) *Молим Бога.* Павел снова свидетельствует о том, что не заботится о почестях в свой адрес. Он хочет лишь способствовать их пользе. Ведь менее всего им было выгодно лишиться плодов его учительства, а это уже начало происходить ввиду их гордыни и презрения. Я не забочусь о себе или об оценке со стороны других, – говорит апостол, – я лишь боюсь, что вы оскорбите Бога. Больше того, я готов быть как отверженный, лишь бы вы оказались невинны. Отверженными он называет тех, кто таков по суждению людей, часто отвергающих достойных особой чести. Хотя выражение «как бы» вовсе не излишне. Таким же образом Павел выражался, когда говорил: «как обманщики, но все же правдивые». Действительно, истинное правило состоит в том, что пастор, на время забыв о себе, должен стремиться лишь к назиданию церкви. Пусть он заботится о собственной славе постольку, поскольку она способствует всеобщей пользе. Пусть он будет готов пренебречь ей всякий раз, когда это можно сделать без вреда для общества.

8) *Мы не сильны.* То есть, я ищу и требую лишь той власти, которая дана мне Господом для служения истине, – как бы говорит здесь апостол. А лжеапостолы поступают иначе. Они не стремятся использовать свою власть для добра. В итоге: Павел отстаивает честь своего служения, поскольку оно соединено с истиной Божией. Иными словами, Павел заявляет: разве дело во мне? Если бы моя цель была не в служении истине, вся власть моя оказалась бы ложной и пустой. Если же все свои способности я направляю на провозглашение истины, то уже не действую для себя самого. Сохранив же авторитет учения и истину неповрежденной, я достигну желаемого. Я на многое претендую, но не для себя. Кроме того, Павел намекает: тот, кто трудится для одной лишь истины, если потребуется, не будет переживать, когда люди отвергнут его, лишь бы ничто не мешало славе Божией, назиданию Церкви и авторитету здравого учения. Место, достойное пристального внимания. Ведь оно ограничивает власть, полагающуюся пасторам церкви. Ограничивает тем, что обязывает их служить истине. Паписты ссылаются на слова: слушающий вас Меня слушает. Презирающий вас Меня презирает (Лк.10:16). А также: слушайте наставников ваших (Евр.13:17). Под этим предлогом они считают, что им все позволено, и присваивают себе бесконечное господство. Будучи же откровенными и заклятыми врагами истины, они всеми силами стараются ее низвергнуть. Для опровержения их бесстыдства достаточно одного слова Павла, повелевающего слугам Божиим повиноваться истине.

9) *Мы радуемся.* Причинный союз **γάρ** выражает здесь заключение, или же указывает на вторую причину: почему апостол не отказывается считаться отверженным ради их удобства и пользы. Пусть читатель выберет, что пожелает. Смысл от этого не меняется. Говоря, «лишь бы вы были сильны, я же охотно соглашусь считаться немощным», Павел заменяет слова, но не смысл. Ведь немощь, как и прежде, означает здесь презрение. Сильными же коринфяне будут тогда, когда исполнятся силы и благодати Божией.

О сем-то. Павел снова повторяет (как и прежде много раз говорил), что по необходимости, а не по собственному желанию вынужден быть суровее, чем желают коринфяне. Таким образом, он шадит коринфян, дабы, придя, не быть вынужденным обойтись с ними строже. Совершенство, о котором идет речь, состоит в надлежащей соразмерности и здоровье всех членов тела. Он намекает на искусных врачей, которые так лечат болезни, что на теле не остается никаких рубцов. И поскольку он заботится о таком совершенстве, то и говорит: необходимость заставила меня употребить горькие лекарства. Ведь мы знаем, что те, кто боится уколов и укусов пиявок, в конце концов, принуждены терпеть прижигание и отсечение, даже с опасным исходом.

10. Для того я и пишу сие в отсутствии, чтобы в присутствии не употребить строгости по власти, данной мне Господом к созиданию, а не к разорению. 11. Впрочем, братия, радуйтесь, усовершенвайтесь, утешайтесь, будьте единомысленны, мирны, – и Бог любви и мира будет с вами. 12. Приветствуйте друг друга лобзанием святым. Приветствуют вас все святые. 13. Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога Отца, и общение Святого Духа со всеми вами. Аминь.

10. Для того я и пишу сие в отсутствии, чтобы в присутствии не употребить строгости по власти, данной мне Господом к созиданию, а не к разорению. 11. Впрочем, братия, здравствуйте, усовершенвайтесь, утешайтесь, будьте единомысленны, мирны, – и Бог любви и мира будет с вами. 12. Приветствуйте друг друга лобзанием святым. Приветствуют вас все святые. 13. Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога, и общение Святого Духа со всеми вами. Аминь.)

10) *По власти.* Вначале апостол обосновывает суровость заповедью Божией, дабы не казалось, что он – гром без молнии, и действует импульсивно и необдуманно. Кроме того, он учит, что дурно употребит свою власть, если воспользуется ею для иной цели, а не для той, для которой она предназначена. То есть, для назидания коринфян. Он как бы говорит: я прибегаю к жестким средствам не по дерзости, не потакая своему гневу. Я лишь исполняю то, что поручил мне Господь. Он говорит, что власть дана ему для созидания, а не для разрушения. Говорит по несколько иному поводу, чем раньше, в главе десятой. Там он ссылался на пользу. Ведь нам приятно и желанно то, что способствует нашему благу. Здесь же Павел говорит о том, что, хотя заслуженно может сурово наказать коринфян, тем не менее предпочитает использовать свою власть не для их погибели, а для блага. Ведь их благо – его основная цель. Как Евангелие по природе является силой Божией во спасение и благоухание жизни в жизнь, а приводящим образом бывает зловонием смерти, так и власть, данная его служителям, должна быть спасительной для слушателей. Если же она приводит к их осуждению, это происходит помимо ее природы. Смысл таков: не делайте так, чтобы предназначенное Богом для спасения по вашей вине обратилось вам в погибель. Кроме того, Павел собственным примером учит всех пастырей, как они должны ограничивать употребление своей власти.

11) *Впрочем, братия.* Апостол смягчает жесткость, имевшуюся в его послании. Ведь он хочет оставить их не огорченными, а, напротив, спокойными. Попреки помогают лишь тогда, когда подслащаются медом, чтобы слушатель, если только возможно, спокойно их принял. Хотя здесь апостол, кажется, оставляет многочисленных смутьянов и обращается ко всей церкви. Посему и говорит, что желает их совершенства и утешения. Единомыслие и мир отличаются тем, что одно происходит из другого. Первое означает согласие во мнениях, а второе – благоволение и единение душ.

И Бог любви. Павел добавляет это, дабы усилить свое увещание. Одновременно он намекает, что Бог будет с нами, если мы будем иметь между собою мир. Все же несогласные друг с другом Ему чужды. Где разногласия и споры, там царствует дьявол. Но какое согласие между светом и тьмою? Он называет Бога Богом мира и любви, потому что Бог заповедует нам любовь и мир, любит их и является их Творцом. О лобзании мы говорили в двух предыдущих посланиях.

13) *Благодать Господа нашего.* Павел завершает свое послание молитвой, содержащей три части, в которых заключен итог нашего спасения. Во-первых, он молит о благодати Христовой. Во-вторых, – о любви Божией. А в-третьих, – об общении Духа. Слово «благодать» здесь не означает незаслуженное благоволение. Оно употребляется в переносном смысле в отношении всего искупления. Но кажется, что порядок здесь неправилен. Ведь любовь Божия упоминается на втором месте, хотя она – причина благодати. А потому – предшествует ей по порядку. Отвечаю: в Писании не всегда соблюдается точный порядок слов. Однако и такой порядок согласуется с формой учения, содержащегося в Писании, согласно которому мы, будучи врагами Богу, примирились с Ним смертью Его Сына. Хотя Писание обычно выражается двояко. Иногда оно говорит словами цитаты из Павла: между нами и Богом была вражда, пока Христос не примирил нас. С другой стороны, мы знаем, что говорит Иоанн (3:16): Бог так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного, и т.д. На первый взгляд эти утверждения противоположны. Но примирить их весьма легко. Можно исходить от Бога, а можно – от нас самих. Ведь Бог, со Своей стороны, возлюбил нас до создания мира, и искупил нас только потому, что возлюбил таким образом. Мы же, видя в себе только повод для гнева, то есть – грех, не можем осознать любовь Бога без Посредника. Таким образом, в отношении нас начало любви – это благодать Христова. Что касается первого подхода, то Павел выражается в несобственном смысле, ставя любовь Божию после Христовой благодати, то есть – причину после ее следствия. А при втором подходе его порядок вполне уместен: сначала идет любовь Христова, по которой Бог усыновил нас Себе и удостоил Своей

любви. Удостоил тех, кого раньше из-за греха ненавидел и гнушался. Общение Святого Духа добавляется здесь потому, что лишь под Его водительством мы начинаем обладать Христом и всеми Его благословениями. Но, кажется, Павел одновременно намекает на разнообразие даров, о котором говорил выше. Ведь Дух дается Богом не отдельным людям, но по мере благодати уделяется каждому, дабы члены Церкви, общаясь между собой, хранили взаимное единство.